

*на правах рукописи*

Ставицкий Владимир Вячеславович

НЕОЛИТ, ЭНЕОЛИТ И РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК СУРСКО-  
ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ВЕРХНЕГО ПРИХОПЕРЬЯ:  
ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР  
СЕВЕРА И ЮГА В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ

Специальность 07.00.06 - археология.

Автореферат  
диссертации на соискание учёной степени  
доктора исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном  
учреждении высшего профессионального образования  
«Пензенский государственный педагогический университет  
им. В.Г. Белинского»

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Никитин Валерий Валентинович

доктор исторических наук Ошибкина Светлана Викторовна

доктор исторических наук, профессор Синюк Арсен Тигранович

Ведущая организация - ГОУВПО Самарский государственный  
Педагогический университет

Защита состоится 18 апреля 2006 г. в 10 часов на заседании  
диссертационного совета Д.212.275.01 в ГОУВПО «Удмуртский  
государственный университет» по адресу: 426034, г Ижевск,  
ул. Университетская 1, кор. 2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке  
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2006 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
к. и. н., доцент



Журавлева Г. Н.

**Актуальность работы.** Проблема взаимодействия населения древних культур является одной из наиболее актуальных тем современной археологии. Об этом свидетельствуют международные и региональные конференции, посвященные обсуждению ее различных аспектов, ежегодно выходящие статьи и монографии, в которых разрабатываются те или иные вопросы, связанные с данной темой. Столь высокий интерес к названной проблеме не случаен. Всякое традиционное сообщество представляет собой достаточно консервативное явление, устойчивость которого обеспечивается окружающей однородностью материальной и духовной культуры. При отсутствии влияния извне подобное сообщество запрограммировано на неуклонное воспроизведение традиций, что фиксируется археологически в виде мощных культурных слоев поселенческих памятников, вековая толща которых насыщена слабо дифференцированными материалами, не претерпевающими существенных изменений на протяжении столетий. Подобная стабильность культур побуждает исследователей к поискам в иноэтничной среде появляющихся в их культуре новаций.

Актуальность работы определяется также тем, что до сих пор отсутствуют обобщающие исследования, в которых бы в комплексе раскрывался характер и содержание культурно-экономических связей населения, проживающего на границе степной и лесной зон. К положительным примерам подобного рода следует отнести работы И.Б. Васильева и А.Т. Синюка. Однако, в монографиях А.Т. Синюка рассматривается только территория лесостепного Подонья, относящаяся к лесостепной зоне южного типа. Совместная работа названных авторов является учебным пособием, специфика которого не позволила им в полной мере раскрыть заявленную тему. Хотя данная работа и называется «Энеолит Восточно-Европейской лесостепи», в ней были детально проанализированы только памятники Поволжья и Подонья, а промежуточная территория Сурско-Окского междуречья и Прихоперья практически не была затронута. Довольно фрагментарное отражение древности Сурско-Окского междуречья нашли в двух монографиях В.П. Третьякова, где подробно были рассмотрены только примокшанские памятники волосовской и имеркской культур. Более детально данная территория освещена в учебном пособии А.А. Выборнова и В.П. Третьякова, но оно написано в основном на материалах Имерского микрорегиона с привлечением отдельных памятников сопредельных районов и ограничено эпохой неолита. Кроме того, после выхода этих работ прошло уже по 10-20 лет, в течение которых кардинальным образом изменилась источниковедческая база.

В отличие от более северных и южных областей, где определение культурной принадлежности материалов обычно не вызывает больших затруднений, памятники контактной зоны, аккумулировавшие в себе различные культурные традиции, зачастую оказываются синкретическими. Определение культурной атрибуции в этом случае становится возможным только после выяснения динамики взаимодействия населения тех культур, традиции которых обусловили их синкретический характер.

**Объектом исследования** работы являются памятники эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы лесостепной зоны расположенные на территории Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья. **Предметом исследования** является изучение динамики взаимодействия населения культур севера и юга на территории лесостепной зоны.

**Хронологические рамки работы** охватывают время от появления в регионе первой керамики (рубеж VII-VI тыс. до н.э.), что совпадает с началом неолитической эпохи, до времени распространения металлических изделий, изготовленных на основе сплавов меди и олова, приходящееся на сейминский хронологический горизонт (первая треть II тыс. до н.э.). Данный хронологический период рассматривается по пяти разделам, выделение которых основано на двучленной периодизации археологических эпох: неолита, энеолита и бронзы. К ранней стадии каждой из этих эпох отнесены памятники раннего и развитого периода, а к поздней – заключительного. Логика подобного подразделение вытекает из сходного содержания основных процессов развития культур раннего и развитого этапов, а также из-за определенного запаздывания развития лесных культур в сравнении со степными и лесостепными, в результате которого ранне-неолитическим памятникам степного неолита хронологически соответствуют памятники позднего мезоли-

та, начало лесного энеолита приходится на поздний этап степного, ранний бронзовый век лесной полосы соответствует средней бронзе степной зоны.

**Территория.** В работе анализируется проблема взаимодействия древних культур на археологических материалах лесостепных территорий Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья. Большая часть интересующей нас эпохи приходится на время климатического оптимума, который занимает атлантический и первую половину суббореального периода, когда наблюдается максимальное смещение границы лесов к югу. В это время на территории северной лесостепи лесные сообщества занимали не только речные долины, но и плакоры. Последнее подтверждается распространением оподзоленных лесных почв на территории северной лесостепи, которая относится рядом географов к подзоне широколиственных лесов. Видимо, в указанную эпоху северная граница лесостепи совпадала с ареалом выщелоченных, оподзоленных и луговых черноземов, которые в Посурье доходят до р. Алатырь, занимают левобережный бассейн р. Мокши, а на западе – северную часть Окско-Донской равнины. С данным ареалом в основном совпадает северная граница массового распространения памятников лесостепных культур неолита-энеолита (среднедонской, средневожской, среднестоговской, алтатинской) и северная граница максимального проникновения ряда степных культур бронзового века (катакомбной, срубной).

Указанная территория находится на границе различных ландшафтных зон, что обуславливало особую интенсивность протекавших здесь контактов между представителями населения различных хозяйственно-культурных типов. На протяжении последних 20 лет автором проводились здесь планомерные исследования памятников неолита, энеолита и раннего бронзового века, в результате которых было раскопано 24 поселения и один энеолитический могильник. В Примокшанье автором был выявлен раннеэнеолитический пласт памятников елшанского типа, на Верхней Суре были впервые открыты и исследованы стоянки раннего неолита с накольчатой керамикой, раннеэнеолитические поселения хвалынской и алтатинской культур, на Верхнем Хопре – памятники мариупольской культурно-исторической области, на р. Вороне – среднестоговский могильник, древнеямное и протоабашевское поселения, на р. Ранове – раннеэнеолитическая стоянка с редконакольчатой керамикой. Среднестоговские древности заключительного этапа развития были выявлены в Посурье. Здесь же были выделены ранее не известные памятники катакомбной и вольско-лбищенской культур. Также автором были проанализированы многочисленные случайные находки каменных орудий (шлифованных и сверленных топоров, наконечников стрел, абразивов, пестов-терочников и др.), бронзовых и медных вещей, хранящиеся в различных музеях. При изучении вопросов взаимодействия культур автор не ограничивался рамками очерченного региона и широко привлекал материалы сопредельных территорий.

Степень изученности данного региона, как в территориальном, так и хронологическом отношении далеко не равнозначна. В результате планомерных работ А.А. Выборнова, В.П. Третьякова и А.И. Королева наиболее полно исследован неолит и поздний энеолит Примокшанья. Ряд опорных памятников неолита и раннего энеолита раскопан на территории Прихоперья А.А. Хрековым, материалы которых были введены в научный оборот в монографии, опубликованной вместе с автором. Отдельные памятники эпохи энеолита и раннего бронзового века исследованы на территории Сурско-Окского междуречья П.Д. Степановым, В.П. Челябинским, В.И. Вихляевым, В.В. Гришаковым, В.Н. Шитовым, и др. Однако далеко не все они были введены в научный оборот. Тем не менее, автору удалось проанализировать большинство коллекций данных памятников, хранящихся в различных музеях, что позволило значительно расширить базу источников и на качественно новом уровне подойти к решению проблемы взаимодействия древних культур.

**Целью** работы является выявление динамики взаимодействия населения различных культур на границе природных зон и воссоздание хронологической последовательности развития Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья в неолите – раннем бронзовом веке.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- 1) Систематизация материалов по неолиту – раннему бронзовому веку Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья.
- 2) Уточнение хронологии и периодизации лесостепных культур неолита, энеолита и раннего бронзового века.
- 3) Выявление механизмов взаимодействия и причины смены культур на территории данного региона.
- 4) Определение содержания и видов связей между культурами севера и юга, выяснение их приоритетных направлений на различных хронологических этапах.

**Источники.** В работе использованы материалы раскопок: 10 неолитических памятников, исследованных совместной экспедицией ЛОИА и Куйбышевского пединститута (руководители А.А. Выборнов, В.П. Третьяков), 8 памятников, исследованных экспедицией Мордовского университета при участии автора (руководители В.И. Вихляев, Ю.А. Зеленева) и 24 памятников, исследованных автором, в том числе совместно с экспедициями Самарского педуниверситета, Мордовского пединститута и Рязанского НПЦ по охране памятников, при участии А.А. Выборнова, В.С. Бузина, А.И. Королева, А.В. Вискалина, В.В. Гришакова, С.Н. Гапочки. Также привлечены материалы раскопок Н.И. Спрыгиной, М.Р. Полесских, В.П. Челябинова, И.М. Петербургского, М.Е. Фосс, А.Е. Алиховой, В.Н. Шитова, И.К. Цветковой, А.Х. Халикова, П.Д. Степанова, М.Г. Жилина и А.В. Энговатовой. Для анализа и интерпретации материалов привлекались коллекции артефактов, хранящиеся в музеях городов: Москвы, Рязани, Пензы, Саранска, Твери, Чебоксар, Балашова, Сергиева-Посада, Казани, Кузнецка, Самары, Саратова, Йошкар-Олы, Лыткарино. Таким образом, в работе проанализированы материалы более 50 раскопанных памятников и более 200 памятников, представленных подъемными сборами.

При решении указанных в работе задач использованы различные методы. Историко-генетический метод, позволяющий раскрыть свойства и изменения реальности в процессе ее исторического движения и позволяющий наиболее полно показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития. Историко-сравнительный метод использован для выявления в процессах взаимодействия культур общего и повторяющегося, необходимого и закономерного - с одной стороны, и качественно отличного - с другой. Историко-типологический метод применялся автором для выделения стадийно-однородных этапов в пространственно-временном процессе взаимодействия археологических культур. При обработке и анализе массового материала применялись статистические методы.

**Научная новизна работы** заключается в следующем: 1) Систематизированы и введены в научный оборот материалы памятников неолита - раннего бронзового века Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья. Уточнена их хронология и периодизация.

2) На территории данного региона впервые выявлены и проанализированы памятники елшанской, нижнедонской, хвалынской, алтатинской и вольско-лбищенской культур. Поставлен вопрос о выделении шапкинского и позднестоговского типа древностей.

3) Намечены основные хронологические этапы взаимодействия культур севера и юга, определено их содержание.

4) Разработан новый подход к решению проблем происхождения дронихинской, имеркской, алтатинской, хвалынской, чирковской и вольско-лбищенской культур.

**Практическая ценность работы.** Материалы диссертации использованы при работе над коллективной монографией «Археология Мордовии». Диссертация также может быть использована при создании сводов археологических памятников и обобщающих трудов по неолиту, энеолиту и раннему бронзовому веку Русской равнины. На основе диссертации подготовлена глава «Первобытное общество» для учебника «История Пензенского края с древнейших времен до середины XIX века». Значительная часть научных разработок используется при чтении спецкурсов «Неолит Восточной Европы», «Археология России», «Эпоха раннего металла Волго-Донской лесостепи», «Материальная и ду-

ховная культура первобытных и раннеклассовых обществ». Материалы диссертации использованы в процессе создания экспозиции Пензенского государственного краеведческого музея, при написании ряда статей для Пензенской краеведческой энциклопедий.

#### **На защиту выносятся следующие положения:**

Появление древнейшей керамики в Прихоперье и Сурско-Окском междуречье связано с распространением диффузий навыков керамического производства, обусловленное влиянием приазовско-причерноморского очага.

Распространение памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики в лесостепной зоне было обусловлено не только изменением климатических условий, но и значительными успехами, достигнутыми их носителями в развитии присваивающей экономики и приведшими к увеличению численности.

В раннем энеолите территория лесостепной зоны находилась под определяющим воздействием Волго-Донского степного очага культурогенеза, влияние которого доходило до южных территорий лесной зоны.

В позднем энеолите территория Среднего Поочья находилась в зоне влияния приднепровских культур с «лапчатой» керамикой, под воздействием которых происходит сложение дубровичских и имеркских древностей.

В раннем бронзовом веке определяющими факторами развития лесостепных областей являлись миграции не только западных (фатьяновских), но и юго-западных (иванобугорских) племен, которые приобретают массовый характер и характеризуются значительной глубиной проникновения на территорию лесной зоны.

**Апробация результатов исследования.** Основные результаты исследования опубликованы в ряде работ, общим объемом более 100 печатных листов, в 118 статьях и 3 монографиях. Результаты отдельных этапов исследования сообщались на региональных и международных конференциях в Йошкар-Оле (1984 г.), Твери (1996, 1999, 2001, 2003, 2004 гг.), Саранске (1998, 2003 гг.), Саратове (1997, 2000 гг.), Самаре (2001 г.), Чебоксарах (2003 г.), Пензе (2002 г.), Казани (2003), Ижевске (2002 г.), Санкт-Петербурге (2000 г.), в Институте археологии РАН на секторе каменного века (2003 г.)

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения, списка использованных источников и литературы, приложения, 19 таблиц и 380 иллюстраций.

#### **Содержание работы.**

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируется цель и задачи исследования, дается краткая характеристика источников работы, рассматривается история археологического изучения Сурского-Окского междуречья Верхнего Прихоперья

### **Глава.1. Неолитизация и развитие раннеэнеолитических культур лесостепной зоны.**

Неолитизация это сложный процесс перехода населения мезолитических культур к производящим способам ведения хозяйства, затрагивающий все стороны жизни древнего населения и находящий свое отражение в изменении материальной культуры. Для большей части населения лесостепной зоны переход к неолиту не был связан с освоением производящих форм экономики. Видимо, здесь имели место процессы усложнения комплексного хозяйства, основой которого становится оседлое рыболовство. Основным критерием перехода к неолиту здесь являются находки глиняной посуды, которые с одной стороны свидетельствуют о переходе к большей оседлости, с другой - о контактах с населением южных культур, которому уже было известны навыки ведения производящего хозяйства.

**1.1. Распространение древнейших керамических традиций.** На территории Волго-Донского бассейна к наиболее ранним неолитическим памятникам относятся поселения, содержащие тонкостенную, неорнаментированную и слабо орнаментированную керамику, украшенную разреженными рядами наколов, которая находит ближайшие

аналогии в елшанской культуре. Данная керамика подразделяется на три группы. Для *первой группы* (стоянки Имерка 7, Ковыляй 1, Озименки 2, Плаутино 1, Шапкино 6 и Усть-Ташелка) характерны сосуды, орнаментированные только в верхней части горизонтальными и диагональными рядами точечных наколов, имеющие слабо закрытое или S-овидное горло. Днища конические, реже округлые, только на Усть-Ташелке представлены плоские. Ко *второй группе* относится редко-накольчатая керамика поселения Городок I. Венчики прямостенные, днища конические или округлые. Подавляющая часть сосудов украшена треугольными наколами, редко овальными. Композиции просты. Это три-четыре горизонтальных ряда наколов, реже двойной наклонный ряд, и их сочетания. К *третьей группе* относится керамика поселения Луговое 3. У трети сосудов имеется слабо выраженная шейка, остальные прямостенные. Днища плоские, плосковогнутые, реже округлые. Большинство сосудов орнаментировано только пояском ямок под венчиком. Рядами наколов, оттисками гребенки, прочерками - украшено только 16% сосудов.

Для данных памятников характерна пластинчато-отщеповая техника изготовления орудий. При обработке использовалось краевое ретуширование, резцовые сколы, редко шлифовка. Среди скребков преобладают изделия на отщепах. В качестве ножей использовались пластины с краевой ретушью. Резцы морфологически невыразительны. Среди наконечников преобладают пластинчатые, листовидные или треугольно-черешковые. На Усть-Ташелке найдены геометрические микролиты в виде трапеций.

Наиболее древние радиоуглеродные даты елшанских памятников Заволжья, полученные по речным раковинам, представляются нам заниженными, и нижняя граница этой культуры, видимо, не выходит за пределы VI тыс. до н.э. Примокшанская и прихоперская керамика по ряду параметров отличается от классической елшанской посуды, которой присущи: широкое использование прочерченного орнамента, ямочно-жемчужные пояски под венчиком, плоские днища, что, видимо, свидетельствует о хронологической неоднородности заволжских памятников. Вероятно, для наиболее ранних из них также характерны конические днища при отсутствии ямочно-жемчужных поясков, что подтверждается отсутствием ямочных поясков на всех елшанских сосудах, которые достоверно имеют конические днища, тогда как на всех плоскодонных - они есть. Оба эти признака, видимо, зарождаются в Заволжье и только потом распространяются в западной группе памятников.

Ряд параллелей в древнейшей керамике Восточной Европы, видимо, свидетельствует о ее происхождении из общего источника. Появление керамики традиционно связывается с развитием производящего хозяйства. Переход к большей оседлости населения в местах, не богатых лесом, обусловил появление глинобитных домов, что привело к освоению нового материала - глины. Увеличение потребности в таре для хранения накопленных запасов, уменьшение подвижности населения способствовали широкому распространению керамики. В Поволжье перечисленные признаки при переходе к неолиту отсутствовали. Поэтому маловероятно, что керамика могла быть изобретена местным населением, не знакомым с производящим хозяйством и ведущим подвижный образ жизни.

По мнению В.И. Тимофеева, распространение керамики в Восточной Европе происходило в виде диффузии навыков керамического производства в среде позднемезолитического населения. С данной точкой зрения вполне согласуются выводы Н.Л. Моргуновой, А.Е. Мамонова об автохтонной подоснове каменной индустрии елшанских памятников Заволжья. Явственно местные позднемезолитические корни просматриваются в инвентаре поселений Имерка 7 и Луговое 3. Инфильтрации отдельных групп южного населения могли иметь место, и, видимо, с ними связаны редкие находки трапеций и вкладышей кукрекского типа, но кардинальной смены кремневой индустрии не было.

Наиболее перспективным направлением поиска корней елшанских керамических традиций нам представляется Приазовье, где уже в первой половине VII тыс. до н.э. появляются домашние животные, вероятно, заимствованные из Малой Азии. Откуда позже могла быть привнесена и керамика. Ближайшие аналогии елшанская керамика хоперо-мокшанского бассейна находит в ранней сурской керамике, для которой характерны ко-

нические, иногда шиповидные днища, при отсутствии плоских, S-овидные венчики, разреженная орнаментация из мелких округлых наколов, тонких прочерченных линий, отпечатков двузубого штампа. Как и в материалах Усть-Ташелки, в комплексах сурской культуры преобладают скребки на отщепках, встречаются микролиты трапециевидной формы и вкладыши «кукрекского типа».

Вероятно, в результате инфильтрации небольших групп населения, керамика елшанского типа попадает из Приазовья на р. Хопер, а затем и на Мокшу. Впоследствии елшанские традиции вместе с наконечниками стрел постсвидерского облика передаются на Свиягу и в Заволжье. На Мокше развитие елшанских традиций иллюстрируют материалы стоянки Потодеево, где найдены сосуды с S-овидным венчиком, украшенные только в верхней части рядами треугольных наколов. Последующие изменения связаны с постепенной утратой профилированности венчиков и точечных наколов, на смену которым приходят сосуды с прямостенным и слабо закрытым горлом, украшенные треугольными наколами, при постепенной замене конических днищ – округлыми. Сочетание новых и уходящих признаков демонстрирует керамика поселения Лужки Е, где наряду с профилированными венчиками присутствуют прямостенные, а мелкие округлые наколы соседствуют с наколами других форм. Полную утрату S-овидности венчиков и доминирование треугольных наколов мы наблюдаем на посуде поселений Жабки 3 и Городок 1.

**1.2. Лесостепная линия развития раннеолитических культур.** На территории Прихоперья и Сурско-Окского междуречья данная линия представлена памятниками, на керамике которых преобладают наколы (около 30 памятников). Более полно они исследованы в Верхнем Посурье, где раскопаны стоянки: Пензенские, Подлесное 5,7,8, Усть-Кадада 1. Всего две стоянки исследовано на Нижней Оке (Велетьминская, Коробково 1).

Накольчато-гребенчатая керамика Посурья раннего типа (Подлесное 7, 8, Грабово 3) имеет прямые или слабоогнутые венчики. Толщина стенок 0,6-0,7см. Сосуды орнаментированы горизонтальными и диагональными рядами отступающих наколов. Наколы треугольные, реже узкие клиновидные, овальные строчечные. Единичны скобковидные наколы, прочерки и короткие оттиски тонкозубчатого штампа. Днища конические и уплощенные. Большинство перечисленных признаков характерно для ранних накольчатых комплексов Среднего Поволжья.

Керамика развитого облика (Подлесное 5, Екатериновка, Пензенские стоянки) более толстостенна (0,8-1см). Сосуды имеют слабо закрытое горло, округлое, плоское и плоскоогнутое дно. Под венчиком обычно располагается ряд из глубоких ямок. Основным элементом орнамента служат отступающие наколы треугольной, полулунной, клиновидной и округлой формы, которые образуют горизонтальные и диагональные ряды, заштрихованные треугольники, зигзаги, шахматные композиции. Реже используются оттиски зубчатого штампа, «шагающая гребенка», тонкие прочерченные линии. Данная керамика сопоставима с частью керамики Виловатовской и Ивановской стоянок, выделенной А.А. Выборновым, в позднюю хронологическую группу.

Несколько отличается керамика поселения Усть-Кадада 1, украшенная треугольными отступающими наколами, изогнутыми оттисками короткого штампа, волнистыми прочерченными линиями. Сосуды имеют биконические очертания, что сближает их с посудой стоянок Нижнего Прикамья.

Керамика Велетьминской стоянки представлена банками со слабо прикрытым горлом и плоскоогнутым днищем. Венчики в верхней части утонщены, и нередко имеют сквозные отверстия. Орнаментация состоит из отступающих наколов овальной, треугольной и подчетырёхугольной формы. Разнонаправленные ряды наколов образуют полосы из наклонных рядов, заштрихованные зоны типа плетенки, различного вида зигзаги и др. Ближайшие аналоги ей имеются в накольчатой керамике Марийского Поволжья.

Каменный инвентарь стоянок Посурья пластинчато-отщеповой, некоторые орудия изготовлены из кварцита. Скребки преимущественно концевые с округлым, прямым и скошенным лезвием. Резцы малочисленны. Ножи выполнены на пластинах и отщепках. Сверла миниатюрные со слабовыраженными плечиками. Наконечники стрел, представ-

ленные обломками, невыразительны. Единичны шлифованные тесла. Каменная индустрия Велетьминской стоянки характеризуется преобладанием орудий на отщепах (98%).

В Посурье не выявлено памятников с точечно-накольчатой керамикой елшанского типа. Вероятно, формирование керамических традиций протекало здесь на основе памятников типа Луговое 3, к плоскодонной накольчатой посуде которого наиболее близка ранняя присурская керамика. В пользу этого свидетельствует и ее значительное сходство с ранней накольчатой посудой стоянок Мелекес 3-5, Лебяжье 1, Ивановской. Наличие параллелей в развитии керамических традиций Посурья и Самарского Заволжья на протяжении продолжительного отрезка времени свидетельствует о сохранении достаточно прочных связей между населением данных территорий. На позднем этапе в Посурье несколько возрастает влияние со стороны прихоперских древностей, но оно не становится определяющим. Особенно рельефно различия между ними проявляются в то время, когда Прихоперье прочно попадает в зону распространения среднедонской культуры.

Ранняя керамика прихоперских стоянок (Инясево, Шапкино 1, 2) сочетает признаки среднедонской и средневожской культур. Данная керамика немногочисленна, в тесте примесь органики, стенки тонкие (0,5-0,7см). Венчики прямые, слегка утоньшенные. Орнамент состоит из горизонтальных и наклонных рядов отступающих треугольных наколов, которые иногда сочетаются с поясками разреженных наколов или ямок. На керамике Шапкино 2, кроме того, имеются скобковидные и спаренные наколы, а так же оттиски гребенки. Каменный инвентарь пластинчато-отщеповой. Наиболее многочисленны ножевидные пластины со следами утилизации. Скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах и аморфные на отщепах. Скобели изготовлены на пластинчатых отщепах и микроотщепах. Резцы малочисленны. Единичны шлифованные рубящие и долотовидные орудия. Немногочисленны наконечники стрел листовидной и черешковой формы.

К следующей категории в Прихоперье относятся памятники с керамикой, украшенной треугольными наколами и оттисками гребенчатого штампа. Первые элементы орнамента доминируют, а вторые играют подчиненную роль. Сосуды прямостенные или слабопрофилированные. Днища округлые и плоские. Сосуды украшались по всей поверхности треугольными, овальными, спаренными и скобковидными наколами, оттисками гребенки. Преобладают горизонтальные ряды, встречается зигзаг, паркет и более сложные построения. Иногда наколы сочетаются гребенкой, ямчатыми и зерновидными вдавлениями. Данная керамика аналогична поздней среднедонской посуде.

Наиболее ранняя керамика среднедонской культуры по ряду признаков близка слабо орнаментированной керамике стоянки Городок 1, отличаясь от нее только наличием ямок под венчиком и насыщенностью теста примесью песка. Подобное сходство свидетельствует, что в формировании среднедонской керамики принимали участие носители тех же традиций, что и в сложении керамики Средней Оки. В нижних слоях среднедонских стоянок Щучье 2 и Затон 1 выявлена керамика с точечно-ямочной орнаментацией, которая близка керамике Имерки 7, отличаясь от последней отсутствием профилированных венчиков и наличием ямок под верхом сосуда. На ряде фрагментов округлые наколы сочетаются с прочерченными линиями так же, как и на одной из разновидностей керамики Дроники, аналоги которой отмечены А.Т. Синюком в керамике буго-днестровской культуры. Но указанные мотивы весьма характерны и для сурской культуры, население которой, видимо, осуществляло трансляцию трансформированных буго-днестровских традиций на Нижний и Средний Дон.

Находясь на периферии арала среднедонской культуры, Прихоперье периодически испытывало воздействие со стороны населения сопредельных территорий. Указанное предположение иллюстрируют материалы Шапкино 4, на посуде которого преобладают строчечные овальные наколы более характерные для средневожской керамики.

**1.3. Взаимодействие культур лесной и лесостепной зон в раннем неолите.** В Сурско-Окском междуречье известно более 30 памятников, на керамике которых преобладают оттиски зубчатого штампа, характерные для орнаментальных традиций средневожской культуры. Наиболее представительные коллекции получены при раскопках по-

селений на Имерском озере. Днища округлые или конические. Преобладают отогнутые вовнутрь венчики с округлым срезом и прямостенные утоньшенные венчики. В орнаментации доминируют длинные (32%) и короткие изогнутые (22,5%) оттиски зубчатого штампа, реже используются наколы (23%). Около 20% керамики не имеет орнамента. Широко распространены ямочные вдавления под венчиком. Среди мотивов преобладают: ряды наклонных оттисков длинного зубчатого штампа; горизонтальные ряды коротких оттисков зубчатого штампа или наколов; сочетания горизонтальных и диагональных рядов короткого штампа; заштрихованные зоны из строчечных наколов.

В Посурье гребенчатая техника орнаментации доминирует над накольчатой только на двух поселениях (Подлесное 3 и 4). Керамика поселения Подлесное 3 представлена подъемными сборами. Ее облик мало отличим от керамики Имерских стоянок. На стоянке Подлесное 4 большинство сосудов имеют прикрытое горло, встречаются прямостенные и сосуды со слабо отогнутым наружу венчиком. Днища округлые. В орнаментации преобладают оттиски зубчатого штампа: длинные с прямоугольными (42%) или скошенными зубцами (6%), короткие овальные с прямыми (29%) или перекрещивающимися зубцами (3%), короткие с прямоугольными зубцами (5%). Встречаются гладкие линзовидные отпечатки (6%), прочерки и насечки (3%), вдавления отступающей лопаточки (3%), овальные строчечные наколы (3%), 4% фрагментов не имеют орнамента, 93% сосудов имеют ямочные пояски под венчиком. Преобладают геометрические мотивы орнамента.

Гребенчато-накольчатая керамика правобережного Поочья может быть охарактеризована по материалам поселения Городок 1. Венчики прямостенные или загнутые вовнутрь, иногда с пояском ямок под верхом. Днища конические. В орнаментации доминируют горизонтальные и наклонные ряды короткого зубчатого штампа, реже используются длинные и узкие оттиски, вертикальный зигзаг, диагональные ряды зубчатого штампа, расположенные под углом друг к другу, единичны геометрические зоны из подтреугольных наколов, сочетания наколов с оттисками короткого зубчатого штампа, «косая решетка». Часть фрагментов имеет разреженную орнаментацию.

О каменном инвентаре поселений с гребенчато-накольчатой керамикой можно судить по материалам стоянок Имерка 7 и Подлесное 4. Кремневый инвентарь стоянки Имерка 7 характеризуется пластинчато-отщеповой индустрией. Преобладают скребки на отщепах с округлым рабочим краем, скребки на пластинах и продольных сколах со скошенным лезвием, многочисленны резцы на пластинах и продольных сколах. Выразительны клювовидные острия. Характерны перфораторы, у которых ретушью отделано только рабочее острие. Рубящие орудия обычно изготавливались с помощью двусторонней оббивки, хотя встречаются и шлифованные. Ножей немного. Пластинчатые наконечники стрел отделаны ретушью со спинки и частично с брюшка.

Каменный инвентарь поселения Подлесное 4 отщеповой. Преобладают скребки, большинство которых аморфные. Также найдены скребки подпрямоугольной формы и концевые на удлинённых отщепах. Наконечники стрел и копий листовидные, треугольно-черешковые, ромбические, треугольные. Ножи изготовлены на уплощенных кремневых или кварцитовых отщепах и ножевидных пластинах. Проколки не имеют выраженных плечиков. Два долота шлифованные, еще у двух - грани, сформированные оббивкой.

В Примокшанье распространение гребенчато-накольчатой керамики, видимо, связано с продвижением отдельных групп верхневолжского населения. Ориентированные на лесостепные ландшафты носители накольчатой керамики, видимо, смещаются к юго-западу и юго-востоку, в Рязанское Поочье и Ульяновское Поволжье. Но какая-то часть прежнего населения, видимо, не покидает Примокшанье и вступает в контакты с верхневолжскими племенами, что находит отражение в материалах 1-ой Ковыляйской стоянки, где слабо орнаментированная керамика елшанского типа залегает совместно с гребенчато-накольчатой посудой. Под влиянием лесостепных традиций происходит сложение накольчатой группы посуды Имерских стоянок. Данные процессы нашли отражение и в гребенчато-накольчатой керамике поселения Городок 1, которая близка посуде Ковыляйского поселения. Здесь на гребенчатой керамике также доминируют несложные

мотивы орнамента, состоящие из горизонтальных рядов наклонных оттисков короткого слабо изогнутого штампа, нередко чередующихся с участками без орнамента, а для напольчатой керамики также характерно широкое использование заштрихованных зон из разнонаправленных рядов наколов.

До недавнего времени бытовало мнение об уходе верхневолжского населения из Примокшанья под давлением культуры ямочно-гребенчатой керамики. Однако исследования стоянки Озименки 2 показали, что местное население продолжало развитие верхневолжских традиций и на позднем этапе существования данной культуры, не покидая территорию региона. В орнаментации керамики поселения Озименки 2 широко распространены широкозубые отпечатки длинного штампа, поверх которых нередко нанесены разреженные ряды глубоких ямок, находящие полные аналогии в поздней верхневолжской посуде. В Посурье наиболее поздний облик имеет керамика Подлесного 4, которая с одной стороны сопоставима с поздней керамикой верхневолжских поселений Сахтыш 2 и 8, а с другой, находит практически полные аналогии в керамике Лебединской стоянки, относящейся к развитому этапу камской культуры.

## **Глава 2. Процессы взаимодействия культур с ямочно-гребенчатой керамикой и древности дронихинского типа.**

Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья относятся к числу наиболее распространенных неолитических памятников. Многочисленность данных памятников, наряду с достаточно хорошей степенью исследованности, позволяет рассматривать их по отдельным регионам на уровне локальных вариантов культуры.

### **2.1. Локальные варианты памятников ямочно-гребенчатой керамики.**

**Примокшанские памятники.** В Примокшанье известно 33 памятника с ямочно-гребенчатой керамикой. Лучше всего изучены поселения в окрестностях Имеркского озера и стоянки среднего течения р. Мокши. На стоянках Широмазово 3, Имерка 6, Шаверки 5 и Андреевка 3 исследованы жилища. Это слабо углубленные в грунт сооружения, типа полуземлянок, которые имели различные размеры. По наблюдениям А.Х. Халикова, для ранних балахнинских жилищ характерны значительные размеры, которые впоследствии уменьшаются. Подобная тенденция фиксируется и в Примокшанье. Наиболее крупные размеры здесь имеют андреевское и широмазовское жилища, относящиеся к раннему этапу развития. Наименьшими размерами характеризуется шаверское жилище, где обнаружена наиболее поздняя в Примокшанье ямочно-гребенчатая керамика.

Примокшанская керамика содержит примесь дресвы и песка. Ранняя керамика нередко перенасыщена ими. Преобладают яйцевидные сосуды с округлыми днищами. К ранним типам относятся венчики с округлым, утоньшенным, либо кососрезанным краем. На сосудах более позднего времени большинство венчиков имеет плоскосрезанный край. Наиболее распространенным элементом орнамента является глубокая коническая ямка, нанесенная белемнитом. На стоянках раннего этапа ямки используются только для деления орнаментальных зон. На втором месте по частоте использования выступают оттиски зубчатого штампа, которые обычно образуют горизонтальные ряды наклонных или вертикальных оттисков (21%), или горизонтальные пояски (8%). Реже использовались изогнутые оттиски штампа (5%). Третье место занимают наколы различной формы: плюсневые (9%), округлые, аморфные, миндалевидные, овальные (5%). Примерно в равной степени керамика украшалась оттисками веревочки (8%), полулунными вдавлениями (8%), отпечатками аммонитов (7%). Среди мотивов преобладают горизонтальные ряды, состоящие из различных элементов орнамента, разделенные одиночными или двойными поясками ямок. При вычислении коэффициентов идентичности между керамическими коллекциями стоянок установлено, что у большинства памятников средние значения коэффициентов сходства достаточно близки и составляют от 48 до 56%.

В определении комплекса каменных орудий, характерного для примокшанских памятников, существует ряд сложностей, поскольку практически на всех стоянках присут-

ствую инокультурные материалы, а на единственном монокультурном поселении Андреевка 3 орудий собрано очень мало.

**Памятники Нижнего Поочья.** На правобережной территории Нижнего Поочья раскопано всего четыре стоянки: Саконы, Садовый Бор, Малое Окулово, Коробково 1. Суммарная характеристика нижнеокской керамики дана в работах И.К Цветковой, А.Х. Халикова, В.П. Третьякова. Наиболее представительные материалы получены при исследовании А.Е. Алиховой Саконовской стоянки. Керамика содержит в тесте примесь дресвы. Преобладают сосуды с прямостенными венчиками. Около 10 % венчиков слабо отогнуты в верхней части наружу. Верхний срез обычно уплощен и лишь изредка закруглен. Основным элементом орнамента выступает крупная ямка конической формы, образующая горизонтальные ряды. 12 % сосудов орнаментировано только ямками, еще на 17 % сосудов кроме ямок имеется бордюр, украшенный другими элементами, на 21 % сосудов ямки сочетаются с горизонтальными поясами зубчатого штампа, на 15 % - с наклонными оттисками зубчатого штампа, на 8 % - с оттисками изогнутого штампа, на 8 % - с отпечатками веревочки, на 3 % - с насечками, на 3 % - с плюсневыми вдавлениями. Днища округлые.

Для нижнеокских стоянок характерны орудия на отщепях, а пластинчатые изделия единичны. Наконечники, обычно обработанные сплошной ретушью, имеют листовидную, ромбическую и треугольно-черешковую форму. Ножи и скребки изготовлены из аморфных пластинчатых отщепов, обычны массивные скребки, встречаются шлифованные топоры, крупные сланцевые тесла. Специфичны небольшие скребочки с высокой спинкой.

**Памятники Рязанского Поочья.** В правобережном Поочье известно более 50 стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, но большая их часть представлена материалами подъемных сборов. Раскопками исследованы стоянки: Городок 1, Лебяжий Бор 6, Засеченская. Керамика подразделяется на ряд хронологических групп. К первой относятся сосуды, украшенные отпечатками плюсневого и косозубого штампа. Венчики прямостенные или слабо отогнутые наружу. Верхний срез округлый, реже прямой или скошенный вовнутрь. Мотивы орнамента состоят из одиночных, реже двойных рядов беленитных ямок, нанесенных в разреженной манере, которые сочетаются с рядами плюсневых и зубчатых отпечатков или вдавлений палочки, обмотанной веревочкой.

Для второй группы керамики характерны прямостенные или слабо отогнутые наружу венчики. Верхний срез чаще прямой, реже округлый. Преобладает ямочная орнаментация. В ряде случаев ямки нанесены под углом к поверхности сосуда. Широко применялись оттиски крупного зубчатого штампа овальной формы с заостренными концами. Реже использовались оттиски изогнутого штампа и полулунные вдавления. Преобладают несложные мотивы, в виде ямочных зон, разделенных горизонтальными рядами различных штампов. Встречаются узоры из треугольных фигур, образованных разнонаправленными рядами полулунных вдавлений, дугообразные ряды ямок и полулунных отпечатков. На поселении Лебяжий Бор особую группу образуют сосуды с воротничками на венчиках, в орнаментации которых также преобладают ямочные вдавления, но воротничок всегда орнаментирован другими элементами: оттисками зубчатого или рамчатого штампа, миндалевидными вдавлениями, прочерченными линиями и т.д.

К третьей группе относится керамика, ямки на которой имеют овальную или полуовальную форму, а для деления зон используются тонкие оттиски изогнутого зубчатого штампа. Бордюрную зону нередко украшают прямые оттиски, изредка «жемчужины». Характерно расположение ямок в виде диагональных, а не горизонтальных рядов. Помимо несложных мотивов отмечены треугольные фигуры, образованные как ямками, так и очерченными оттисками зубчатого штампа. Характерны усложненные формы венчиков.

Каменный инвентарь среднеокских памятников представлен материалами поселения Засечье 2. Наиболее многочисленны скребки на отщепях подпрямоугольной, дисковидной и аморфной формы. Сверла и проколки имеют треугольные жала, обработанные краевой ретушью. Ножи и скребки изготовлены на пластинах и уплощенных отщепях. Резцы выполнены на углу пластин. Единичны трапециевидные тесла и овальные долота.

Листовидные и треугольно-черешковые наконечники на отщепах обработаны сплошной двусторонней ретушью.

**Памятники Прихоперья.** В Верхнем Прихоперье известно 14 стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, которая подразделяется на пять основных групп. Керамика *первой группы* немногочисленна, нередко перенасыщена минеральными примесями, сосуды с прямостенными и слабо профилированными венчиками, имеющими скошенный срез. Их орнаментация состоит из горизонтальных поясков длинного зубчатого штампа, рядов вертикальных или наклонных оттисков короткого штампа, а также плюсовых отпечатков в сочетании с разреженными рядами ямок. Ко *второй группе* относятся сосуды с венчиками, в различной степени отогнутыми наружу. Срез венчика обычно закруглен, реже приострен или утолщен. Днища округлые, либо приостренные. Большинство сосудов украшено горизонтальными поясками или рядами вертикальных и наклонных оттисков зубчатого штампа, реже веревочки или плюсовых вдавлений, разделенных рядами конических ямок. Сосуды *третьей группы* имеют прямостенные венчики с уплощенным, либо округлым срезом, иногда с воротничковым утолщением. Днища округлые, либо приостренные. Большинство сосудов орнаментировано горизонтальными поясками или рядами вертикальных и наклонных оттисков зубчатого штампа, которые сочетаются с разреженными рядами ямок. Дно ямок обычно закруглено, редко коническое или плоское. На керамике *четвертой группы* основным элементом орнамента являются неглубокие ямки, а оттиски штампов, полулунные вдавления и треугольные наколы используются только для деления зон. Венчики нередко сильно отогнуты наружу. Имеются фрагменты с редкоямочными и свободными от орнамента зонами. К *пятой группе* относится немногочисленная керамика с раковинной примесью, украшенная горизонтальными рядами ямок и строчечных треугольных наколов.

Представление о каменных орудиях можно получить по материалам Шапкино 3. Более половины орудий изготовлено из кварцита, остальные - из кремня. Индустрия отщеповая. Наиболее многочисленны скребки, среди которых преобладают концевые на продольных сколах и отщепах. Единичны резцы. Наконечники стрел имеют асимметрично-листовидную, ромбическую и треугольную форму, с выемкой в основании. Из кварцита изготовлено большинство ножей. Шлифованные тесла трапециевидные.

**2.2. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.** Массовое появление носителей ямочно-гребенчатой керамики в Примокшанье произошло на раннем этапе развития льяловской культуры (перв. четв. - середина IV тыс. до н.э.). К этому времени относятся стоянки Имерки 3, Машкино 3, Клюквенное 4 и Ковыляй 1, на керамике которых существенную роль играют плюсовые отпечатки, массовое употребление которых особенно характерно для архаичного этапа льяловской культуры. Более развитой облик имеет керамика стоянок: Имерка 1-А, Широмасово 3, Андреевка 3, но и она не выходит за рамки раннего этапа. Этому времени соответствует радиоуглеродная дата с Имерки 3:  $5660 \pm 100$  лет т. н. К среднему этапу (середина - посл. четв. IV тыс. до н.э.) относится основная масса керамики стоянок: Имерка 4,6,7,8, Машкино 1. Вероятно, к его концу относится керамика поселения Шаверки 5.

На правобережной территории Нижегородского Поочья памятники раннего этапа не зафиксированы. Основная масса нижегородской керамики синхронизируется с развитым этапом льяловской культуры, хотя здесь представлены и сосуды с некоторыми поздними признаками (преобладание ямочного орнамента, наличие неорнаментированных зон и др.), но их число невелико. Видимо, как и в Примокшанье, здесь имело место длительное переживание керамических традиций развитого этапа, которое так и не привело к складыванию позднельяловских комплексов.

В Рязанском Поочье имеются памятники архаичного, раннего и развитого этапа льяловской культуры. В позднельяловское время здесь происходит сложение рязанского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Прихоперская ямочно-гребенчатая керамика первой группы находит аналогии в льяловской керамике архаичного этапа. К ней также близка часть керамики второй группы,

украшенная отпечатки плюсневого штампа. Данная керамика весьма близка к посуде рыбоозерского типа, в развитии которой В.П. Левенок выделял два этапа. Но подобное разделение на материалах прихонерских стоянок не находит своего подтверждения. За исключением отдельных сосудов, основная масса данной керамики достаточно однородна. Только на поселении Шапкино 2 отмечена находка сосуда с позднеьяловской редкочюмочной орнаментацией. Судя по материалам Рыбноозерской стоянки, подобного развития не наблюдается и на Верхнем Дону, поскольку сходство между керамикой первого и второго этапов весьма велико. Кроме того, возникает вопрос о правомерности выделения особой рыбоозерской культуры, так как весь комплекс ее материалов находит практически полные аналогии в раннеьяловской керамике, а все то, что в ней имеется нового, связано с контактами с раннеэнеолитическими культурами лесостепной зоны.

### **2.3. Динамика взаимодействия культур ямочно-гребенчатой керамики.**

Наличие в Сурско-Окском междуречье памятников с поздней верхневолжской и архаичной ямочно-гребенчатой керамикой свидетельствует о том, она входила в зону формирования раннеьяловских традиций. Вероятно, имели место и дополнительные миграции яловского населения из Волго-Окского междуречья на Мокшу и в правобережные районы Рязанского Поочья. На ранних стоянках наблюдается абсолютное преобладание черт, характерных для яловской керамики. На посуде развитого периода наряду с яловскими признаками получают распространение и балахнинские. Вероятно, местное население поддерживало достаточно тесные связи, как яловскими, так и с балахнинскими племенами. Массового появления поздней редкочюмочной керамики в Примокшанье не зафиксировано, здесь имеются лишь отдельные фрагменты с редкочюмочной орнаментацией. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой сменяются здесь волосовскими памятниками.

Керамика раннего и среднего этапа Рязанского Поочья мало отличима от яловской керамики Волго-Окского междуречья, культурное единство с которой не вызывает сомнений. Только на позднем этапе происходит сложение рязанского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая в своем классическом виде представлена на поселении Черная Гора. В ее орнаментации преобладают ямки, наклонно нанесенные белымнитом. Зубчатые, рамчатые и веревочные отпечатки используются для деления ямочных зон и орнаментации воротничков. Наиболее широко распространены воротнички овальной формы, реже встречаются широкие и плоские.

По мнению В.В. Сидорова, выделение локальных вариантов в неолите связано с увеличением плотности населения. Чем больше плотность, тем меньше необходимость в дальних экзогамных брачных контактах, тем четче очерчиваются локальные варианты. Указанные процессы приводят к нарушению согласованной изменчивости керамических традиций, к распаду былого единства культуры ямочно-гребенчатой керамики. Кроме того, рязанские памятники, расположенные на южной окраине яловского ареала, испытывали воздействие со стороны лесостепных культур, что, видимо, и привело к появлению воротничков на венчиках. Самые ранние воротнички появляются на раннеьяловской керамике Прихонерье. Их распространение в Рязанском Поочье, видимо, связано с возвратным движением носителей ямочно-гребенчатой керамики из Прихонерья, которые отступали на север под давлением южных раннеэнеолитических культур.

На прихонерской керамике фиксируются следы контактов между носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики и представителями "воротничковых" культур мариупольского круга. На поселениях Софьино 1 и Рассказань 3 собрана гибридная керамика, орнаментация которой близка к ямочно-гребенчатой, но с воротничковыми утолщениями и желобками на венчиках. На софьинской керамике фиксируются и следы обратного влияния со стороны культуры ямочно-гребенчатой керамики на раннеэнеолитическую посуду, на которой появляются горизонтальные ряды ямок, расположенные не только под венчиком, как на самарской керамике, но и на тулове сосуда. Отдельные фрагменты подобной керамики собраны на Пензенских стоянках.

Происхождение лесостепных памятников с ямочно-гребенчатой керамикой традиционно связывается с миграциями населения из Волго-Окского междуречья. Данные памятники подразделяются на две культуры: рязано-долговскую и рыбноозерскую. Рыбноозерская керамика практически идентична раннельяловской и ее распространение связано с миграциями льяловских племен. Опорным памятником рязано-долговской культуры является Долговское поселение, нижний и средний слои которого иллюстрируют картину развития ее керамических традиций. В материалах нижнего слоя преобладает посуда с ямочным орнаментом, оттиски гребенчатого штампа использовались только для разделения ямочных зон. На посуде верхнего горизонта заметно увеличивается доля ямок овальной и неправильной формы, появляются участки без орнамента, геометрические фигуры и жемчужные вдавления под верхом сосуда. Достаточно близкие аналоги керамике Долговской стоянки имеются в посуде многослойного поселения Гришевка на Северной Украине, и что особенно важно, совпадения наблюдаются не только в формах и орнаментации сосудов, но и в направлении развития керамических традиций, что свидетельствует о достаточно согласованном развитии древностей данных регионов.

В вопросах происхождения ямочно-гребенчатой керамики Северной Украины имеется ряд спорных моментов. В.И. Неприна полагает, что складывание эсманьского типа ямочно-гребенчатой керамики связано с трансформацией керамических традиций носителей среднедонской культуры, продвинувшихся на территорию Северной Украины. Однако неясно, почему подобной трансформации не происходит на Среднем Дону. Вероятно, в формировании эсманьского типа керамики принимало участие не столько среднедонское население, сколько местное - с керамикой типа посуды второго горизонта нижнего слоя Лукомья. С другой стороны, нельзя полностью отрицать и участия среднедонского населения в данном процессе. На поселениях Курино 1 и Липецкое озеро гибридная ямчато-накольчатая керамика составляет почти треть от керамики с накольчатым орнаментом, что вряд ли можно объяснить только наличием контактов между носителями ямочно-гребенчатой и накольчатой керамики. Появление ямочных вдавлений на среднедонской керамике вполне могло произойти в результате трансформации накольчатого орнамента. В отличие от днепродонецкой и средневолжской, среднедонская керамика имеет наколы наибольшей глубины. Для их трансформации в ямчатые вдавления необходим всего лишь отказ от строчечной техники нанесения наколов с помощью широкой угловой лопаточки. Раздельные наколы, нанесенные на среднедонской керамике палочкой с округлым концом очень близки к ямчатым вдавлениям на керамике долговского типа.

Одной из древнейших областей зарождения ямчатых традиций орнаментации является Верхнее Поднепровье. Сосуды с ямчатыми вдавлениями появляются здесь уже на раннеэнеолитических поселениях верхнеднепровской культуры. Для данной керамики характерно использование и жемчужных отпечатков, которые всегда располагаются под венчиком. В раннем неолите Поднепровья можно найти аналоги большинству признаков, которые получают распространение на ямочно-гребенчатой керамике лесостепной зоны, что является дополнительным аргументом в пользу ее автохтонного происхождения.

**2.4. Происхождение и развитие памятников дронихинского типа.** Наиболее представительная коллекция дронихинской керамики в Прихоперье получена на Шапкино 6. Керамика содержит примесь песка. Сосуды слабо профилированные, со стянутым верхом и плоским дном. Некоторые имели выраженное ребро. Преобладает орнаментация из глубоко прочерченных линий, образующих зигзаг, волну, елочные и паркетные узоры. Нередко они сочетались с ямчатыми, зерновидными и треугольными вдавлениями, реже - с оттисками трехзубого штампа. Сходная керамика собрана на поселении Рассказань 3, Инясево, Кипец 1, Секретарка, Шапкино 1 (дюна 4 и 5), 3. Ближайшие аналоги ей имеются в посуде стоянок бассейна р. Бузулук Староаннинской и Козлиновской.

Дронихинская керамика Прихоперья, и особенно керамика бузулукских стоянок, по ряду признаков близка кайр-шакской. По данным спорово-пыльцевого анализа, на всем протяжении существования поселения Кайр-Шак 3 наблюдается увеличение аридности климата, что привело в конце V тыс. до н. э. к установлению кризисных экстрааридных

условий. По-видимому, следствием этого кризиса и объясняется появление на Староаннинском поселении геометрических микролитов и керамики близкой каир-шакской посуде, которые, вероятно, попадают сюда в результате инфильтрации отдельных групп прикаспийского населения. В правобережном Подонье носители каир-шакских традиций вступают в контакт с населением среднедонской культуры, что, видимо, придает дополнительный импульс развитию прочерченной техники орнаментации на местной керамике и приводит к сложению дронихинских керамических традиций.

Аналогичные миграции в северном направлении фиксируются и в Северном Прикаспии. Данная тенденция к востоку от Волги сохраняется на всем протяжении позднего неолита. По наблюдениям А.В. Вискалина, средневолжские и нижнекамские памятники татазибейского типа с поздней накольчатой керамикой обладают наибольшей степенью сходства именно с материалами Нижнего Поволжья, что свидетельствует о приоритетной направленности культурных связей с юга - на север. Южное влияние достигает Пермского Предуралья, где получают распространения памятники с накольчатой посудой, восходящие своими корнями к средневолжским древностям.

### **Глава 3. Роль южных раннеэнеолитических культур в сложении памятников лесостепной зоны.**

**3.1. Сравнительная характеристика лесостепных памятников с мариупольской (воротничковой) и хвалынской керамикой.** Воротничковая керамика прихоперских поселений (Инясево, Шапкино 6, Софьино 1) содержит примесь песка, редко травы. Сосуды имеют с яйцевидное тулово, прямой или слегка отогнутый наружу венчик с воротничком, от небольшого треугольного до широкого, плоского, иногда желобчатого. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатых штампов. Реже встречается наколы, ямчатые и зерновидные вдавления, пунктирный штамп, прочерченные линии. Оттиски гребенки образуют горизонтальные пояса, линейные или елочные композиции. Ближайшие аналогии данной керамике имеются в посуде нижнедонской культуры.

Несколько отличается керамика Шапкино 6. Сосуды имеют широкие воротничковые венчики с внутренними желобками и маленькие плоские днища. Характерна орнаментация из прочерченных лент, заполненных оттисками гребенчатого штампа, узоров в виде бегущей волны, меандровых, округлых и угловых фигур, волнистых линий из мелких наколов. В данной коллекции сочетаются керамические традиции западного (нижнедонского) и восточного (прикаспийского) ареала мариупольской области.

Своеобразна керамика Софьино 1. Кроме песка и шамота в тесте присутствует органика. Характерны воротничковые утолщения валиковидной, треугольной формы, а также с желобком изнутри. У ряда сосудов под венчиком располагается поясок ямок. Сосуды украшены зубчатыми штампами: длинными, короткими, косозубыми и овальными, рядами строчечных наколов, прочерченными линиями. Две трети фрагментов не имеют орнамента. Днища плоские и конические. Ближайшие аналогии софьинская керамика находит в посуде ивановского этапа самарской культуры, особенно в керамике Турганинской стоянки.

Каменный инвентарь прихоперских памятников изготовлен из кремня и кварцита. Преобладают изделия на отщепках. Наиболее многочисленны скребки. На массивных кварцитовых отщепках выполнены скребла. Аморфные очертания имеют орудия со скоблевидными выемками. Ножи выполнены на широких продольных сколах и удлинённых отщепках. Наконечники копий и стрел, изготовленные из кремня и кварцита, обработаны двусторонней ретушью. Они имеют листовидную и треугольно-черешковую форму. Также найдены: обломок долотовидного орудия, сечение ножевидной пластины, отретушированной по торцовым и боковым сторонам, обломок проколки.

На присурском поселении Веденяпино 1 собраны сосуды: с прикрытым горлом, с плавно отогнутым наружу венчиком, с выраженным уступчиком при переходе от венчика к тулову, с воротничками на внешне стороне венчиков и желобками на внутренней. Днища плоские и плосковогнутые. При орнаментации использовались треугольные,

овальные, строчечные, клиновидные наколы, прочерченные линии, отпечатки веревочки. На ряде сосудов под венчиком располагались ряды ямок. Наколы на сосудах образуют горизонтальные или диагональные ряды. Прочерченные линии или отпечатки веревочки пересекаются или располагаются под углом друг к другу, реже размещаются горизонтально. Оттиски штампа образуют шагающую гребенку, горизонтальные ряды наклонных оттисков, сочетание горизонтальных и вертикальных поясков.

Большинство орудий Веденяпино 1 характеризуется микролитизмом. Среди ножевидных пластин преобладают узкие. Распространены концевые скребки на сечениях пластин, продольных сколах, мелких отщепах. Среди них орудия со скошенным и стрельчатым лезвием. Малыми размерами отличается большинство наконечников. Их форма: иволистная, треугольная, с выемкой у основания, листовидная, листовидно-черешковая. Кварцитовые наконечники дротиков имеют листовидные и овальные очертания. Ножи и острия выполнены на продольных сколах и пластинах средних и крупных размеров.

**Памятники хвалынской культуры.** В Посурье раскопано хвалынское поселение Русское Труёво 1, где обнаружено четыре жилища. Три жилища располагались в линию с интервалом около 2 м. Четвертое жилище сориентировано иначе. Первые три жилища имели прямоугольную форму, длиной от 6 до 8,4 м и шириной от 3,6 до 5 м. Жилище №4 имело удлиненную, слабо изогнутую форму, вытянутую по линии В-З. Его длина 17 м, ширина 4,5 м, и восточная часть смещена относительно его западной половины к югу на 1 м. В районе их соприкосновения котлован несколько сужается, а уровень пола повышается. Не исключено, что данное жилище двухкамерным (сектора «А» и «Б»).

По ряду технико-типологических признаков и использованию различного сырья, полученные материалы подразделяются на два комплекса, разделенных планиграфически. К первому комплексу относятся жилища №1-3, ко второму - жилище №4. Только на небольшой площади, между третьим и четвертым жилищами, данные комплексы пересекаются. При этом первый комплекс орудий связан только с первой группой керамики, а второй комплекс орудий залегает совместно с первой и второй группами керамики.

К *первой группе* относится пористая керамика с примесью раковин. Толщина фрагментов 0,6-0,7 см. Характерны профилированные венчики с отогнутым наружу верхним краем и утолщением в месте отгиба. Непрофилированные венчики единичны. Один сосуд имеет шаровидное тулово и раструбное горло. Сосуды украшены: оттисками зубчатого и фигурного штампа, отпечатками створок раковины кардиум, рядами наколов и округлых неглубоких вдавлений, короткими прочерками, вдавлениями полой палочки. Более половины сосудов украшено по срезу венчика. Композиции несложные: горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенки или наколов, горизонтальные зигзаги. Большинство фрагментов керамики первой группы найдено в жилищах №1-3 и рядом с ними. Однако два развала сосудов обнаружено и в западной части жилища №4 (сектор «А»).

Керамика *второй группы* менее многочисленна и вся собрана в восточной части жилища №4 (сектор «Б»). Ее фрагменты более толстостенны (0,8-1 см) и содержат в тесте волокна растительных остатков. Большинство фрагментов не имеет орнамента. Не исключено, что все они связаны с развалом сосуда, венчик которого слабо отогнут вовнутрь. Под венчиком имеется продавленный желобок, придающий ему Г-образные очертания. Снаружи сосуд украшен прочерченными линиями в виде зигзага, которые на внутренних стенках горловины располагаются наклонно.

Материалы первого комплекса представлены: 292 кремневыми и 375 кварцевыми отщепами и сколами, 53 ножевидными пластинами без ретуши, 129 кремневыми и 2 кварцевыми орудиями. Большинство орудий изготовлено из светло-коричневого опокowego кремня и высококачественного темно-серого полупрозрачного кремня. Только 1,6% орудий изготовлен из слоистого низкокачественного светло-серого кремня и 1% - из крупнозернистого кварцита, характерные для второго комплекса. Техника изготовления орудий крупнопластинчатая, но есть и микролитические изделия. Две трети орудий изготовлены на пластинах. Преобладают пластины, обработанные краевой ретушью со спинки по двум боковым сторонам. *Ножи* выполнены на широких и длинных пластинах с

обоюдоострым лезвием. Их клиновидные окончания отделаны высокой, заходящей на спинку ретушью, а боковые стороны - краевой. *Острия* изготовлены на ребристых пластинах с высокой спинкой. На трех пластинах имеются скоблевидные выемки, а еще на одной - продольные. К последней близки обломки пластин с зауженным концом, которые, возможно, являются *перфораторами*. Шесть *скребков* изготовлены на пластинах. Три из них концевые, два - имеют боковые лезвия. Миниатюрный скребок на пластине имеет дублированные лезвия. Один скребок выполнен на расколоте нуклеусе, остальные - на отщепках. На кварцитовом отщепе выполнено массивное скребло. На пластинчатых отщепках изготовлены два ножа. Обломок ножевидной отретушированной пластины переоформлен в резец. *Рубящие орудия* представлены двумя шлифованными теслами трапециевидной формы, одним обломком, расширяющегося к лезвию овальной черешка и фрагментом долота, отделанного крупнофасеточной ретушью. У большинства *наконечников* грани обработаны сплошной ретушью, редко - двусторонней краевой. Преобладают листовидные наконечники. Один наконечник треугольный с выемчатым основанием. Треугольно-черешковый наконечник дротика найден в районе жилища №3 и, возможно, связан со вторым комплексом находок.

В заполнении жилища №4 и рядом с ним собраны: 466 кремневых и 25 кварцитовых отщепов и сколов, 2 ножевидные пластины без ретуши, 53 кремневых и 9 кварцитовых орудий. Большинство орудий выполнено из слоистого низкокачественного светло-серого и серого кремня. Только 4% орудий изготовлено из высококачественного темно-серого полупрозрачного кремня и 2% - из опокового. Кроме того, 17% орудий изготовлено из кварцита. Ножевидных *пластин* обработанных ретушью только 4 экземпляра. Они изготовлены из опокового и темно-серого кремня. Остальные изделия выполнены на отщепках, реже - продольных сколах. Наиболее многочисленны *скребки*, половина которых аморфные. Также присутствуют подчетыреугольные с прямым лезвием и овальные. *Ножи* изготовлены на пластинчатых отщепках и продольных сколах. В отличие от первого комплекса, шлифованное трапециевидное *тесто* выполнено не из опоки, а из серого кремня. *Долота* обработаны крупнофасеточной ретушью. Проколки имеют треугольное острие плавно переходящее в расширенную рукоятку. Среди *наконечников* преобладают треугольно-черешковые формы. Единичны листовидные и треугольные.

Керамика первой группы имеет близкие аналогии в керамике Хвалынского могильника, и особенно в посуде хвалынского поселения Кара-Худук. Причем русско-труёвская орнаментация гребенчатым штампом характерна именно для прикаспийских поселений. В инвентаре Кара-Худука находит близкие аналогии и первый комплекс русско-труёвских орудий. Керамика второй группы находит ряд параллелей в посуде самарской культуры. Венчики близкие русско-труёвским имеются среди керамики поселения Лебяжинка 3, а ряды спаренного прочерченного зигзага широко распространены на керамике памятников Съезжее и Виловатое. Каменному инвентарю Лебяжинки 3 близок и второй комплекс каменных орудий. На Лебяжинке 3 также преобладают орудия, выполненные на отщепках, а ножевидные пластины единичны. Наряду с кремнем используется кварцит. К общим типам орудий относятся: перфораторы на ребристых сколах, ножи со скошенным лезвием, листовидные и треугольно-черешковые наконечники, шлифованные трапециевидные тесла и др.

**3.2. Проблема соотношения воротничковых и хвалынских древностей.** На данную проблему имеются две основные точки зрения. И.Б. Васильевым и Н.Л. Моргуновой самарские памятники признаются более древними и на их основе, при участии населения прикаспийской культуры, происходит сложение хвалынских древностей, поздняя позиция которых аргументируется: 1) более ранним характером самарского погребального обряда; 2) наличием параллелей инвентарю самарских памятников в мариупольских могильниках, а материалам хвалынских памятников - в среднестоговских; 3) залеганием мариупольских слоев ниже слоя с хвалынской керамикой на поселении Раздорское 1. Сторонники другой точки зрения (П.П. Барынкин, Е.В. Козин) полагают, что самарские и хвалынские памятники синхронны, и представляют собой результат культур-

ной дивергенции двух линий развития скотоводческой (хвалынской) и охотничьей (самарской). Их аргументация базируется на факте залегания на поселении Лебяжинка 1 хвалынской керамики ниже слоя с посудой, аналогичной первой группе керамики Съезжинского могильника, на технико-типологическом сходстве самарского и хвалынского комплексов, на их близких радиоуглеродных датировках.

При разрешении названных вопросов необходимо сконцентрировать внимание на существенном отличии погребального инвентаря данных памятников. В самарских могильниках присутствуют костяные изображения животных, пластины «мариупольского типа», рубящие желобчатые орудия удлинённых пропорций, которых нет в хвалыньских могильниках. Зато отсутствуют хвалыньские сверлёные топоры с цапфами, каменные браслеты, скипетры и медные украшения. Указанные отличия отнесены И.Б. Васильевым к разряду хронологических, но в последнее время получены радиоуглеродные даты, свидетельствующие о близкой хронологии хвалыньских и ряда мариупольских памятников (конец V - перв. пол. IV тыс. до н. э.), что подтверждается и трипольской линией синхронизации. Только третьей четвертью IV тыс. до н.э. датируется на Варфоломеевской стоянке слой 2а с наиболее ранними материалами прикаспийского (съезжинского) типа.

Анализ материалов поселения Раздорское 1 свидетельствует, что раздорская керамика не идентична хвалыньской. Она имеет плотное тесто с примесью песка и ракушки, покрытую расчесами поверхность и орнаментацию из густых оттисков зубчатого штампа, сетчатых и паркетных прочерчиваний, и, по мнению Н.С. Котовой, относится к средне-стоговской культуре. Но самое главное, что эта керамика залегает в слое, где преобладают двустороннеобработанные изделия на отщепе, что для хвалыньских памятников не характерно. Некоторые аналогии раздорским орудиям можно отметить только в инвентаре 1-ой Лебяжинской стоянки, который имеет явно поздний облик. Следовательно, раздорская стратиграфия свидетельствует только о предшествовании мариупольских древностей раннего и развитого облика поздних хвалыньским. Однако материалы Съезжей синхронны поздним мариупольским древностям.

Наиболее ранние хвалыньские памятники, видимо, появляются в Восточном Прикаспии, где исследованы памятники шебирского типа с архаичной каменной индустрией, для которой, как и для наиболее ранних мариупольских памятников, характерна значительная доля микролитических изделий, почти не представлены орудия на широких пластинах, отсутствуют скребки на отщепе и наконечники. Данные памятники синхронны съезжинскому могильнику, или даже древнее его.

**3.3. Взаимодействие автохтонного неолитического населения с южными культурами.** По мнению ряда исследователей, в формировании ранне-неолитических древностей степного и лесостепного Поволжья участвовали как местные неолитические, так и северные камские племена. При этом участие камского населения аргументируется наличием среди самарской керамики яйцевидных сосудов, широким распространением гребенчатой орнаментации и некоторыми общими мотивами орнамента. Однако все перечисленные признаки характерны не только для камской керамики, но и для посуды средневожской культуры, часть территории которой входит в зону сложения самарских памятников, и поэтому более вероятным является заимствование керамических традиций самарскими племенами у местного неолитического населения.

Кроме того, в Самарском Заволжье проникновение камского населения фиксируются только на стоянке Чекалино 4, где имеется керамика, украшенная типичными камскими мотивами в виде плетенки. Однако и данное поселение включается А.А. Выборновым в число памятников средневожской культуры. Какое-либо существенное влияние камские племена оказали на население самарской культуры только севернее и восточнее, там, где они обитали еще до их прихода. Это Южное Приуралье и Нижнее Прикамье. Но в этом случае речь идет о влиянии уже вполне сформировавшихся самарских племен на местное неолитическое население, а не наоборот. Если для Южного Урала объем подобного влияния оказался достаточным, чтобы трансформировать местную неолитическую

культуру в энеолитическую, то в Икско-Бельском междуречье через некоторое время происходит возврат к прежним неолитическим традициям.

А.И. Юдиным разработана гипотеза автохтонного формирования заволжских ранне-энеолитических древностей на основе памятников орловской культуры, на которые оказали воздействие средневожские неолитические племена. По его мнению, в слое 2а Варфоломеевской стоянки имеется ряд артефактов (венчик с воротничковым утолщением, орудия на широких пластинах, сверленная булава, подвески из зубов оленя, пронизки из раковин, костяные фигурки животных и бусы, шлифованные тесла и долота и др.), находящих близкие аналогии в мариупольских древностях, при наличии несомненной преемственности керамики и каменных орудий с материалами нижележащего слоя 2б. Поскольку вероятность подобного выборочного заимствования мариупольских традиций крайне мала, следовательно, все они были выработаны местным населением.

Однако далеко не все перечисленные артефакты можно отнести к специфически мариупольским, поскольку большинство их присущи и другим культурам. К, безусловно, мариупольским проявлениям относятся костяные фигурки животных, традиции изготовления которых, вероятно, сложились в Поволжье, где они являются обязательной категорией погребального инвентаря и встречаются в культурных слоях стоянок, чего нельзя сказать о памятниках азово-днепровской культуры, где известна единственная фигурка. Однако традиции воротничкового оформления венчиков, скорее всего, были заимствованы. В пользу чего свидетельствует единичность находки подобного венчика в варфоломеевском слое 2а, который мог попасть на стоянку в результате эпизодических контактов, объем которых не был достаточен для того, чтобы кардинально изменить облик культуры местного населения. Видимо, в Заволжье происходит сложение не всего комплекса мариупольских признаков, а только отдельных элементов, которые впоследствии органично вписались в культуру, пришедших сюда носителей мариупольских традиций.

На наш взгляд, нуждается в переоценке культурная атрибуция Съезжинского могильника. Его керамика достаточно четко подразделяется на два комплекса, один из которых находит полные аналоги в воротничковой керамике Прикаспия, другой - в посуде средневожской культуры. Исследователями неоднократно подчеркивалось их единство, но подобные утверждения основаны на взглядах синкретического происхождения орнаментальных традиций воротничковой керамики Съезжей, истоки которых видятся им в керамике средневожской или даже камской культуры. Но, по справедливому замечанию А.И. Юдина, орловская культура продолжительное время оказывала значительное влияние на население волго-уральской (средневожской) культуры и при этом была абсолютно не восприимчива к воздействию, шедшему с севера. Что же в таком случае могло произойти с ней в начале IV тыс. до н.э., что так радикально изменило направление культурных связей? Кроме того, орнаментация, выполненная шагающей гребенкой, является еще на первом этапе развития азово-днепровской культуры, а на ее втором этапе входят в употребление и меандрово-ленточные композиции, заполненные гребенчатыми оттисками. Формирование подобных традиций происходит на Нижнем Дону, где они имеют длительную историю своего развития. Ни средневожское, ни тем более камское влияние до территории Нижнего Дона не достигает. Следовательно, данные традиции не являются синкретическими.

Заметная доля участия средневожского неолитического населения в формировании самарской культуры фиксируется только на материале поселенческих памятников, причем типично съезжинские черты присутствуют только на Виловатовском поселении. Керамика других самарских поселений более близка к хвалынской посуде культуры, население которой, видимо, также принимало участие в их сложении. Не исключено, что съезжинские древности существовали на протяжении незначительного отрезка, а затем их носители были вытеснены набравшими силу хвалынскими племенами. Какая-то часть первых, возможно, была ассимилирована хвалынским населением, другая - отступила на северные лесостепные территории, где растворилась в среде местных неолитических племен.

Формирование хвалынской культуры, по мнению И.Б. Васильева, происходит на основе населения самарской и прикаспийской культур. П.П. Барынкиным отстаивается точка зрения о параллельном развитии воротничковых (прикаспийско-съезжинских) и хвалынских традиций. А.Е. Астафьев и Г.В. Баландина, связывают сложение хвалынской культуры с миграцией из балкано-дунайской земледельческой зоны носителей традиций погребения умерших скорченно на боку с посудой, украшенной меандрово-ленточной орнаментацией, которые вступают в контакт с местными племенами Поволжья. Однако в Поволжье отсутствуют скорченные захоронения с подобным типом посуды, нет их и западнее. Нелогичным также представляется, высказанный ими тезис о наличии неолитической подосновы округлодонным формам хвалынской посуды в неолите Нижнего Поволжья, где доминируют плоскодонные формы.

На имеющихся источниках у проблемы происхождения хвалынской культуры однозначного решения нет. Наиболее вероятным представляется неместный характер ее генезиса. Хвалынский керамический комплекс и каменный инвентарь весьма однороден и крайне устойчив. Складывается впечатление, что в степных районах Поволжья данные племена избегали контактов с аборигенами. Только на окраине своего ареала, в лесостепном Заволжье они вступают в контакты с местным населением, что иллюстрируется материалами стоянок Лебяжинка 1, Ивановской, Муллино, Давлеканово и др.

Наиболее раннее проникновение носителей воротничковой керамики в лесостепное Посурье иллюстрируют материалы Веденяпино 1, которые характеризуются микролитической кремневой индустрией. Здесь наблюдается сочетание черт, характерных для трех разных традиций. Сосуды с прямостенными и слабо отогнутыми венчиками, украшенные рядами наколов и оттисков зубчатого штампа, относятся к местной неолитической керамике. Сосуды с венчиками, имеющими валиковидные воротнички, а также приемы украшения отпечатками веревочки, находят аналогии в хвалынских керамических традициях. Весьма близко по форме и пропорциям к хвалынским сооружениям веденяпинское жилище. В керамике мариупольского типа находят аналогии сосуды с плоскими желобчатыми воротничками, небольшие уплощенные и плосковогнутые днища, орнаментация из прочерченных линий, наколов и шагающей гребенки. Подобное сочетание признаков, вероятно, является результатом взаимодействия носителей трех названных традиций, которое, судя по архаичному облику каменного инвентаря, проходило на раннем этапе существования хвалынских и мариупольских древностей. Итогом данных процессов, видимо, стало сложение древностей самарской культуры, в котором приняли участие не только местные неолитические племена и носители мариупольских традиций, но и раннее хвалынское население.

**3.4. Волго-Донской энеолитический очаг культурогенеза.** На позднем этапе существования хвалынских древностей в степной части Волго-Донского междуречья наблюдается сложение новых культурных традиций, которые сначала затрагивают керамическое производство, а затем проявляются и в изменении каменной индустрии. В итоге на смену воротничковой керамике приходит профилированная посуда с сильно отогнутыми наружу венчиками, получают распространение иные орнаментальные традиции, крупнопластинчатая технология изготовления орудий сменяется отщеповой. Указанные изменения связаны с формированием алтатинских и среднестоговских памятников.

**Памятники алтатинского типа.** На территории Сурско-Окского междуречья алтатинские памятники выявлены только в Верхнем и Среднем течении р. Суры, а наиболее представительные материалы получены при раскопках поселения Русское Труёво 2. Здесь исследовано жилище, которое имело форму неправильного овала (11,2x7м). Керамика содержит обильную примесь органики, выщелочившейся раковины, реже шамот. Венчики отогнутые наружу, иногда желобчатые. Некоторые сосуды не орнаментированы, остальные украшены, преимущественно в верхней части, оттисками длинного зубчатого и овального штампа, ногтевыми насечками, прочерченными линиями, крупными или мелкими прямоугольными вдавлениями, оттисками шагающей гребенки и веревочными, узелковыми отпечатками. На ряде сосудов орнаментальную функцию выполняют упоря-

доченные расчески зубчатого штампа. Преобладают несложные композиции из горизонтальных и диагональных рядов вдавлений и отпечатков штампа, спаренные наклонные линии, зигзаги из узелковых отпечатков, гребенчатых оттисков или прочерков.

В каменном инвентаре преобладают кварцитовые изделия на отщепках. К массовым категориям относятся ножи, скребки и наконечники. Большинство наконечников обработано сплошной двусторонней ретушью. Преобладают треугольно-черешковые. Также найдены подромбические, асимметричные, листовидные, лавроволистные, листовидный наконечник с выемчатым основанием. Многочисленны концевые скребки с прямым лезвием и трапециевидные скребки. Ряд скребков имеют скошенное или стрельчатое лезвие. Большинство ножей представлено морфологически невыразительными формами, изготовленными на уплощенных отщепках, у которых краевой ретушью обработана одна из боковых сторон. Из кремня выполнены ножи с клиновидным окончанием лезвия. Единичными экземплярами представлены перфораторы, скобель, массивное рубящее трапециевидное орудие.

В Посурья артефакты 2-го Русско-Труёвского поселения находят ближайšie аналоги в материалах поселения Старая Яксарка, Усть-Кадада 1, Инерка 1 и 2.

Для присурской и алтатинской керамики заволжских памятников в одинаковой степени характерны отогнутые наружу венчики, часть которых имеет внутренний желобок. Аналогичные примеси содержатся в тесте сосудов. Близкие параллели наблюдаются в использовании оттисков зубчатого штампа, ногтевых насечек и различного рода вдавлений. Совпадают основные мотивы орнамента - это горизонтальные ряды вдавлений и наклонных оттисков зубчатого штампа, шагающая гребенка, оттиски штампа, расположенные под углом друг к другу. Есть и отличия. На алтатинских памятниках присутствует группа архаичной накольчатой керамики неолитического облика, а прочерченная орнаментация для алтатинской посуды не характерна. В алтатинских комплексах наряду с листовидными наконечниками широко распространены треугольные, с прямым и выемчатым основанием, при отсутствии черешковых.

Для алтатинских древностей известна всего одна радиоуглеродная дата с поселения у плотины Варфоломеевского водохранилища -  $5790 \pm 80$ . Судя по ней, время бытования алтатинских древностей частично совпадает с существованием хвалынских, что подтверждается следами контактов между их носителями, зафиксированное в материалах жилища 4 1-го Русско-Труевского поселения. По мнению А.И. Юдина, их формирование относится к началу IV тыс. до н. э. На наш взгляд, столь ранняя датировка алтатинских памятников занижена, поскольку они тесно связаны с развитием среднестоговских традиций и не могут датироваться более ранним временем. Их верхняя дата - вторая-третья четверть III тыс. до н.э., привязанная А.И. Юдиным к появлению в Заволжье памятников ямной культуры, возражений не вызывает. Хотя в лесостепи, где не фиксируется появление ямных племен, их развитие могло продолжаться и позже.

**Памятники среднестоговской культуры.** Поселения с керамикой среднестоговского типа зафиксированы в Прихоперье, на Верхней Суре, Верхней Мокше, Нижней Цне и на Имерском озере. На р. Цне, на поселении Шаморга 9 зафиксированы поздненеолитические материалы со следами существенного среднестоговского воздействия. Шаморгская керамика содержит примесь песка и незначительное количество органики, имеет яйцевидное тулово и профилированные венчики. К *первому типу* относятся прямые и слабопрофилированные венчики с округлым, реже уплощенным срезом. Для них характерна орнаментация из горизонтальных, диагональных, реже вертикальных рядов отступающих наколов или оттисков тонкозубчатого штампа, сочетания которых образуют композиции в виде полос и геометрических фигур, заштрихованных рядами наколов. Ко *второму типу* отнесены сосуды с сильно отогнутым наружу венчиком, украшенные горизонтальными и диагональными рядами прямоугольных отступающих наколов, которые нередко сочетаются с широкими прочерченными линиями. На внешней поверхности сосудов присутствуют следы зубчатых расчесов. К *третьему типу* отнесены слабопрофилированные и прямые венчики усложненной формы, с утолщением в верхней части. В ор-

наментации используются те же элементы, что и на керамике первого и второго типов. Оригинальны композиции из геометрических фигуры подпрямоугольной формы, выполненные рядами наколов.

Керамика первого типа характерна для поздненеолитических древностей: Среднего Дона и бассейна Десны. Форма сосудов второго типа, с сильно отогнутым наружу венчиком, находит аналогии в керамике среднестоговской культуры. Но в орнаментации шаморгской и среднестоговской керамики больше различий, нежели общих черт. Подобное несоответствие между формами венчиков и их орнаментацией отмечается А.Т. Синюком в керамике Черкасской стоянки, на которой воротничковые, энеолитического облика, сосуды украшены наколами, типичными для неолитической посуды Среднего Дона. Происхождение данной керамики А.Т. Синюк объясняет результатами взаимодействия населения среднедонской культуры с энеолитическими племенами среднестоговской и репинской культур. Подобное утверждение справедливо и для поселения Шаморга, что подтверждает ряд параллелей между шаморгской и черкасской керамикой.

В Примокшанье представительная коллекция среднестоговской керамики типа получена А.И. Королевым с поселения Имерка 8. Сосуды содержат обильную примесь раковины, реже шамот. Поверхность большинства сосудов покрыта декоративными расчесами. В орнаментации преобладают мелкие и средние, изогнутые зубчатые штампы и прочерченные линии – делители орнаментальных зон. Реже употреблялись наколы и ямки. Сосуды реконструируются как низко – так и высокогорлые горшки с прямыми, либо отогнутыми наружу венчиками, резко или плавно переходящими в округлое тулово. Часть венчиков желобчатые. Днища округлые, вогнутые, плоские. Сосуды с примесью шамота и песка украшены отпечатками зубчатого штампа и шнура, наколами и прочерченными линиями, ногтевыми защипами, их венчики плавно переходят в округлое тулово.

Керамика близкая посуде Имерки 8 собрана на стоянках Скачки и Ширингуши. В Посурье среднестоговские древности представлены материалами поселения Подлесное 5, где собрана пористая керамика с примесью органики и раковин. Большинство черепков заглажено зубчатым предметом изнутри, а часть и снаружи. Форма сосудов горшковидная с раструбным горлом. Часть венчиков имеет «воротничковые» утолщения, слабо выраженные желобки. Единственное днище плоское. Орнамент занимает верхнюю часть сосудов. Преобладают мотивы, выполненные отпечатками перевитого шнура, которые образуют горизонтальные пояски, оконтуривают треугольные фигуры. Реже используются отпечатки зубчатого штампа, наколы и прочерки.

В Прихопенье представительная коллекция среднестоговских материалов получена с поселения Кипец 1, где также выявлен энеолитический могильник. Среднестоговская керамика хронологически неоднородна. К ранней группе принадлежат сосуды с высокими, резко отогнутыми наружу венчиками, часть которых имеет желобки. Керамика содержит примесь выщелочившейся раковины, либо органики. В орнаменте преобладают короткие оттиски зубчатого штампа и наколы, образующие горизонтальные и диагональные ряды. На ряде фрагментов зафиксированы следы зубчатого сглаживания на внутренней, реже внешней поверхности.

На поселении исследовано 7 погребений: четыре одиночных, одно тройное, одно с остатками четырех человек и кенотаф с охристым заполнением. В захоронениях костяки положены на спину с согнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Черепа из погребения 6 были уложены в ногах костяков 1 и 2, вплотную один к другому, основанием вниз. Инвентарь отсутствовал, за исключением кремневого треугольно-черешкового наконечника, найденного в районе правой ключицы в погребении 2.

Рядом общих черт со среднестоговской и алтатинской керамикой обладает посуда поселения Шапкино 6, отличительной особенностью которой является орнаментация, состоящая из оттисков гребенчатого штампа различной конфигурации и заглаженность поверхностей стенок зубчатым штампом, а также отсутствие профилированных сосудов. В тесте примесь обильной органики, иногда песок. Срезы венчиков приостренные, скошенные, округлые или плоские, некоторые грибовидно утолщены. Разрезанный орна-

мент покрывал лишь часть тулова. Преобладают оттиски гребенчатых штампов: среднего, мелкозубчатого, короткого и пунктирного, нередко изогнутого. Единичны наколы. Композиции просты – это горизонтальные ряды оттисков различных штампов. Керамика аналогичного облика собрана на поселениях Шапкино 1 дюна 4, Подгорное, Инясево и Рассказань 3. Отдельные фрагменты такой керамики встречаются на поселениях Посурья: Усть-Кадада 1, Бессоновка, Подлесное 5 и др. Данная керамика весьма своеобразна. Прием обработки внешних и внутренних стенок упорядоченными расчесами мелкогребенчатого штампа в Подонье впервые получает широкое распространение на среднестоговской посуде. Однако среднестоговские сосуды имеют сильно отогнутые наружу венчики, что для керамики шапкинского типа не характерно. Кроме простых узоров на среднестоговской посуде используются и достаточно сложные. По использованию раковинной примеси, штриховой зачистке поверхности, венчикам с грибовидным утолщением, по общим композициям гребенчатого орнамента, керамика шапкинского типа сближается с посудой Алексеевской стоянки. Но между ними имеется и ряд различий. Для Алексеевской керамики характерны желобчатые отогнутые вовнутрь венчики, широкое использование веревочных отпечатков и более сложных композиций орнамента.

Хронологическую позицию керамики шапкинского типа помогают прояснить стратиграфические наблюдения на поселении Самсоновское, где между мариупольским и репинским слоями зафиксированы фрагменты керамики с раковинной примесью, часть которых покрыта гребенчатыми расчесами и орнаментирована оттисками зубчатого штампа. Совпадение ряда специфических признаков шапкинской и самсоновской керамики, позволяет предположить, что первая относится ко времени существования среднестоговских древностей, видимо, к их заключительному этапу. Когда в керамике среднестоговских памятников, расположенных за пределами их основного ареала, происходит трансформация в формах и орнаментации сосудов, связанная с их упрощением. Подобные изменения, возможно, были обусловлены контактами с неолитическими культурами севера лесостепной зоны, с посудой которых шапкинская керамика имеет некоторые общие черты. Подобную линию эволюции, видимо, иллюстрируют и материалы токского и турганикского типов Ивановской стоянки, где непрофилированные сосуды типа шапкинских сочетаются с посудой типичных среднестоговских форм, с сильно отогнутыми наружу венчиками. При этом ряд совпадений фиксируется в формах Т-образных венчиков и несложных гребенчатых композициях орнамента. Сходная керамика зафиксирована и на ряде поселений Нижнего Прикамья (2-ое Дубовогривское, Игимское и др.), только здесь более явно выступают черты, связанные с сохранением местных позднеолитических традиций.

***Взаимодействие культур севера и юга.*** Происхождение алтатинских памятников связывается А.И. Юдиным с процессом вытеснения лесными племенами в степь, на рубеже неолита – энеолита, части лесостепного населения, которое принесло с собой традиции гребенчатой орнаментации и приемы двусторонней обработки камня. Однако для средневожского лесостепного неолита характерны устойчивые формы шлифованных рубящих орудий и треугольно-черешковые наконечники, которые отсутствуют на ранних алтатинских памятниках. Зато для последних типичны треугольные наконечники с прямым и выемчатым основанием, прототипы которых четко локализируются в степной зоне и практически не встречаются в лесостепи. Кроме того, в ареале алтатинских памятников отсутствуют неолитические сосуды с гребенчатым орнаментом, которые можно было бы связать с вытесненным из лесостепи населением. Все алтатинские сосуды неолитического облика украшены наколами, а гребенчатые (лесостепные) мотивы фиксируются только на сосудах с профилированными и желобчатыми венчиками, которые находят более близкие аналоги в энеолитической керамике токского типа, для которой присущ и ряд гребенчатых алтатинских мотивов: шагающая гребенка, горизонтальная елочка из наклонных оттисков зубчатого штампа, заштрихованные треугольники и др.

Вероятно, лесостепное население Заволжья приняло участие в формировании алтатинских памятников не на рубеже неолита – энеолита, а значительно позже, на втором

ивановско-токском этапе существования самарской культуры. Однако ведущую роль в складывании алтатинских древностей самарское население сыграть не могло, поскольку его массового выхода в степь не было. Кроме того, население самарской культуры, на всем протяжении своей истории, сохраняло пластинчатые традиции изготовления орудий, а в алтатинских древностях данная линия развития не прослеживается.

На неолитических стоянках Заволжья изделия из кварцита никогда не играли ведущей роли. Более глубокие традиции их использования имеются на Среднем Дону, где они широко распространены с раннего неолита. Орудия на крупных пластинах, типичные для Заволжья, здесь представлены достаточно слабо. Уже на репинских поселениях Репин Хутор и Шиловское доминирует отщеповая индустрия. Поскольку репинская индустрия зародилась в недрах среднестоговской, то, вероятно, орудия на отщепах широко использовались на Дону и в дорепинское время. Постепенный отказ от пластинчатых заготовок в энеолите фиксируется на Раздорском поселении, где в третьем слое появляются двустороннеобработанные орудия на отщепах, а в четвертом (среднестоговском) слое они уже преобладают над пластинчатыми изделиями. В пятом слое пластины исчезают совсем, а в седьмом - наблюдается массовое распространение кварцитовых орудий. Следовательно, в Подонье переход от пластинчатых заготовок к отщеповым происходит еще в среднестоговское время, когда в Поволжье продолжается развитие хвалынских пластинчатых традиций. Поэтому наиболее вероятным источником формирования орудийного комплекса алтатинских памятников является кремнево-кварцитовая индустрия Подонья, для которой характерны наконечники листовидной и треугольной формы, а треугольно-черешковые, как и на алтатинских памятниках единичны. В среднестоговской керамике Подонья находят ближайшие аналогии и алтатинские формы сосудов с профилированными и желобчатыми венчиками. Из этого же источника, видимо, наследуются и гребенчатые традиции украшения посуды.

Происхождение алтатинских памятников связано со смещением части среднестоговского населения на территорию Заволжья, где оно вступает в контакты с населением самарской культуры, что иллюстрируют материалы стоянки Лебяжинка 3, в каменном инвентаре которой фиксируется ряд алтатинских традиций. Здесь единичны орудия на пластинах, зато многочисленны концевые скребки и ножи на отщепах, а коллекция наконечников очень близка набору подобных орудий со 2-го Русско-Труевского поселения. Особенно интересны наконечники с черешком в виде рыбьего хвоста, неизвестные на других самарских памятниках, но весьма характерные, наряду с асимметричными формами, для наконечников Константиновского поселения, что является дополнительным подтверждением следов донского влияния в лебяжинском инвентаре.

Дальнейшее развитие алтатинских древностей связано с формированием памятников алексеевского типа. Своеобразие материалов Алексеевской стоянки И.Б. Васильев объяснял тем, что они впитали в себя как среднестоговские (раструбовидные желобчатые венчики, примесь раковины, расчесы, гусеничный и шнуровой орнамент), так и гаринско-борские черты (грибовидные и загнутые вовнутрь венчики, орнаментацию чередующимися оттисками длинного и короткого штампа). Однако все среднестоговские черты алексеевской керамики не менее характерны и для посуды алтатинских памятников. Причем в алтатинской посуде и, особенно в родственной ей керамике шапкинско-борского типа, присутствуют те признаки, которые И.Б. Васильев связывает с гаринско-борской культурой. По его мнению, хронологически алексеевской материалы занимают промежуточное положение между артефактами Хвалынского могильника и поселения Репин Хутор. При этом начальный этап репинской культуры датируется им рубежом IV - III тыс. до н. э. В близкие рамки должно укладываться и существование керамики алексеевского типа. Следовательно, она не могла испытывать влияния со стороны гаринско-борских древностей, формирование которых не может относиться к периоду ранее середины III тыс. до н. э. При этом те черты (желобчатые и Т-образные венчики, плоские днища, примесь органики), которые сближают гаринскую и алексеевскую керамику, не имеют глубоких корней в неолите Прикамья и впервые появляются здесь на керамике новоильинской

культуры, относящейся к первой половине III тыс. до н. э., что, вероятно, связано с южными заимствованиями, объем которых был ограничен и поэтому не оказал существенного влияния на новоильинские традиции.

Проблема взаимодействия населения лесной и лесостепной зоны тесно связана с вопросами происхождения памятников токсского типа. По мнению Н.Л. Моргуновой, токская керамика синхронна посуде ивановского типа и ее происхождение связано с дальнейшим развитием самарской керамики. Ею же высказана гипотеза о влиянии токсских древностей на формирование северных энеолитических культур, и отмечен хронологический приоритет токсских памятников по отношению к гаринским и волосовским. Иную точку зрения отстаивает И.Б. Васильев, утверждая, что древности токсского типа представляют собой локальную юго-восточную группу памятников волосовско-гаринской области и их происхождение объясняется миграциями в лесостепь лесных племен, которые испытали на себе воздействие со стороны своих южных соседей.

Точка зрения Н.Л. Моргуновой представляется более близкой к истине. Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов типологическую близость керамики токсского и ивановского типов. Во-вторых, керамика названных типов залегает в слоях одних и тех же стоянок, причем нередко примерно в равных пропорциях. В-третьих, на Ивановской и Турганинской стоянках керамика токсского типа залегает с пластинчатым комплексом орудий, а для гаринско-борских древностей характерны изделия на отщепах. В-четвертых, токсские традиции в значительной степени наследуются турганинским населением, культура которого сохраняет лесостепной облик, что вряд ли было возможно, если бы токсские племена были связаны происхождением с лесными культурами. Кроме того, в материалах токсского типа фиксируется ряд алтатинских традиций, не характерных для самарской керамики. Это рыхлая фактура теста, обработка стенок штриховыми расчесами, преобладание несложных мотивов из горизонтальных поясков наклонных оттисков зубчатого штампа, применение веревочных элементов орнамента, Т-образные формы венчиков, профилированные формы сосудов с сильно отогнутым наружу венчиками и др.

К лесостепному варианту гаринской культуры И.Б. Васильевым отнесены материалы поселения Большая Раковка 2. Между тем, ее исследователями указывалось на ряд близких параллелей большераковской керамике в посуде токсского и алтатинского типа. Весьма близок алтатинскому каменный инвентарь Большой Раковки. Наиболее многочисленны здесь наконечники листовидной формы, часть которых имеет усеченное основание. На втором месте скребки и на третьем ножи. Остальные изделия, как и на алтатинских памятниках, не образуют устойчивых серий. По преобладанию непрофилированных сосудов большераковская керамика особенно близка керамике шапкинского типа, с которой ее объединяет: сходная система орнаментации, наличие округлых и уплощенных днищ, использование органических и минеральных примесей, Т-образные венчики. На наш взгляд, шапкинские материалы представляют собой завершающую ступень развития древностей алтатинского и среднестоговского типа, на северной и северо-восточной периферии их ареала. Видимо, аналогичную хронологическую позицию по отношению к древностям токсского типа занимают большераковские материалы, которые иллюстрируют сложение гаринского типа памятников на территории лесостепной зоны.

В пользу южных корней гаринских древностей свидетельствуют находки костей домашних животных на ряде гаринских памятников Прикамья. Вероятно, южным влиянием обусловлены и значительные успехи гаринских племен в развитии меднолитевой индустрии, в сравнении с их западными соседями, волосовскими племенами, не испытавшими на себе столь существенного среднестоговского и алтатинского воздействия.

В сложении гаринских памятников принимало участие и местное неолитическое население, степень участия которого возрастала по мере удаления от основного ареала алтатинской культуры. Весьма рельефно керамические традиции камской культуры проявляются на нижнекамских стоянках Дубовая Грива и Игимская, где фиксируется постепенное затухание алтатинского импульса, что выражается в незначительной доле сосудов с профилированными желобчатыми и резко отогнутыми наружу венчиками, которые

в Среднем Прикамье отсутствуют полностью. Видимо, массовое продвижение лесостепного населения в Прикамье проходило уже в послеалтатинское время, когда профилированная посуда сменяется прямостенными и котловидными сосудами шапкинского типа.

## **Глава 4. Динамика развития культур позднего энеолита**

### **4.1. Хронологии и периодизация позднеэнеолитических древностей.**

Эпоху позднего энеолита в Волго-Донской лесостепи открывают памятники волосовского и позднего стоговского типов. На основании радиоуглеродных данных и по синхронизации с периодом триполья С1 поздние приднепровские памятники среднестоговской культуры доживают до середины III тыс. до н.э., но в Приднепровье им на смену приходят древнеямные. На других территориях среднестоговские традиции могли развиваться и в более позднее время, о чем свидетельствуют находки сосудов среднестоговского облика в Сасовском ямно-катакомбном могильнике.

Ранневолосовские памятники могут быть отнесены к разряду позднеэнеолитических с достаточной долей условности, поскольку достоверные следы медеплавильного производства на них отсутствуют. При исследовании Волосовской стоянки зафиксированы находки: обломков медного шлака, четырехгранного шила, тесла, отнесенные С.В. Кузьминых к разряду поздневолосовских. Однако новые исследования И.К. Цветковой Волосовской стоянки показали, что ее керамика относится к ранней стадии данной культуры.

Важные данные по хронологии и периодизации волосовских древностей Примокшанья получены при исследованиях А.И. Королева поселения Имерка 8, где открыты три строительных яруса волосовских жилищ и выполнена серия радиоуглеродных дат, по которым ранневолосовский комплекс датируется серединой III тыс. до н.э., а развитой - последней четвертью III тыс. до н.э. Судя по отсутствию выразительных поздневолосовских памятников в Примокшанье волосовские племена, вероятно, прекращают здесь свое существование в конце среднего этапа развития. Поздневолосовское население, видимо, сохраняется только севернее, ближе к течению р. Оки.

Достаточно сложен вопрос о соотношении волосовских и позднего стоговских древностей. Судя по материалам поселения Шаморга 9, в лесостепном Примокшанье среднестоговские племена появляются раньше волосовских, но их проникновение не было массовым. На поселении Имерка 8 среднестоговская керамика развитого облика залегает вместе с ранневолосовской. К позднейшим среднестоговским относятся памятники Посурья, где господствует плоскодонная посуда с резко профилированными венчиками, украшенная перевитой веревочкой, с примесью раковины, песка и шамота, с редкими следами расчесов снаружи, нередко без орнамента. Вероятно, в лесостепном Посурье позднего стоговские древности приходят на смену волосовским, поскольку в эпоху бронзы стоговские традиции получают здесь дальнейшее развитие. В Примокшанье среднестоговский слой на поселении Имерка 8 перекрывают волосовские жилища с посудой развитого этапа.

Финальный период примокшанского энеолита связан с имеркскими древностями, носители которых приходят на смену волосовским племенам. Об этом свидетельствуют стратиграфия поселений Волгапино, Широмазово 2, Имерка 8. По радиоуглеродной дате с поселения Волгапино имеркские древности относятся к первой четверти II до н. э. Отсутствие стратифицированных имеркских памятников, содержащих разновременный материал, затрудняет построение их периодизации. По мнению А.И. Королева, к ранней относится имеркская керамика с абсолютным преобладанием венчиков с наплывами, приостренных днищ и прочерченной орнаментации, на поздней посуде возрастает роль зубчатых и веревочных отпечатков, появляются сосуды без орнамента и венчики с плоско срезанным, нередко украшенным краем. Подобные изменения, по мнению А.И. Королева, являются результатом контактов имеркского и волосовского населения. К первому этапу им относятся поселения с доминированием имеркских признаков, ко второму с трансформированными комплексами. По мнению автора, контакты между ними имели место на раннем этапе существования имеркской культуры и те комплексы, в которых волосовское влияние проявляется более явно, являются и более ранними.

В западном Поочье на смену волосовскому населению приходят носители дубровичской керамики. Перекрывание дубровичскими слоями волосовских зафиксировано на поселениях Большой Лес 2, Воймежное 1, Маслово Болото 4. По ряду радиоуглеродных дат дубровичские древности датируются последней четвертью III - началом II тыс. до н.э.

**4.2. Пути и время расселения волосовских племен на территории Сурско-Окского междуречья.** На территории Волго-Донской лесостепи волосовские памятники изучены крайне неравномерно. Благодаря целенаправленным исследованиям В.П. Третьякова, А.А. Выборнова, А.И. Королева, а отчасти и автора работы, проводившихся в течение ряда лет в Примокшанье, данный регион вошел в число наиболее хорошо изученных. Здесь исследованы большими площадями поселения: Имерка 8, Имерка 1Б, Широмазово 2, Волгапино, Лебяжий Бор 6. В правобережном бассейне Нижней Оки раскопаны стоянки: Волосовская, Садовый Бор. В правобережье Рязанского Поочья раскопан единственный памятник - Большой Лес 2.

В Примокшанье волосовские памятники представлены как долговременными поселениями с постройками и мощным слоем, так и кратковременными стоянками. Здесь исследованы остатки 12-ти полуземлянок. Примокшанская керамика содержит в тесте примесь раковины, иногда пух и перья птиц, птичий помет. Сосуды подразделяются на прикрытые, открытые и прямостенные банки, на горшковидные и баночные с сильно профилированными венчиками. По наблюдениям А.И. Королева, на позднем этапе сокращается доля прикрытых, прямых и открытых форм, увеличивается число средне- и сильнопрофилированных. Для украшения керамики широко использовались разнообразные зубчатые штампы, различные ямчатые вдавления, обычно нанесенные в раздельной, реже – «отступающей» манере, отпечатки веревочки. Редкими являются прочерченные линии и рамчатые штампы. Наиболее употребительными мотивами являются: горизонтальные разреженные и частые пояски отпечатков штампа, диагональные ряды, комбинации горизонтальных и диагональных рядов, горизонтальный зигзаг, крупная сетка, косые кресты, вертикальные и горизонтальные зигзаги.

При сравнении керамических коллекций волосовских памятников Примокшанья, с вычислением коэффициента родственности, А.И. Королевым было установлено, что в Примокшанье выделяется группа волосовских поселений, объединенная высокой степенью сходства: Имерка 1-Б, 2, 3, 8/1, 8/2, Волгапино и Широмазово 2.

Волосовская керамика Нижнего Поочья содержит в тесте примесь раковины или органики. Венчики прямостенные, с округлым, прямым или скошенным срезом, нередко орнаментированным. Днища округлые. В орнаментации преобладают отпечатки зубчатого штампа, округлые и овальные вдавления, иногда выполненные в технике «отступающей лопаточки», прочерченные линии. Реже встречаются веревочные оттиски и рамчатый штамп. Орнаментальные композиции представлены горизонтальной «елочкой», решеткой и зигзагами, состоящими из оттисков зубчатого штампа, горизонтальными и вертикальными рядами ямчатых вдавлений.

Каменная индустрия примокшанских памятников подробно охарактеризована в работах А.И. Королева. Каменный инвентарь отличается большим разнообразием и высокой техникой обработки. Самым распространенным типом орудий являются скребки, которые изготавливались на отщепках и сколах кремня: массивных и тонких, геометрических и аморфных, с тщательным ретушированием краев. Среди скобелей наиболее выразительные S-овидные. Весьма многочисленны ножи и резцы. В большинстве коллекций присутствуют резчики, но их удельный вес невелик. Перфораторы представлены сверлами, развертками и проколками. К рубящим орудиям относятся долота, тесла, стамески, топоры. Наконечники подразделяются на листовидные, ромбические и треугольно-черешковые. Они обычно обработаны сплошной двусторонней ретушью.

Каменная индустрия Нижнего Поочья может быть охарактеризована по материалам Волосовской стоянки, большинство кремневых орудий которой изготовлено из отщепов. Среди наконечников преобладают листовидные. Ножи изготовлены из пластинчатых отщепов, с лезвием, обработанным приостряющей ретушью. Скребки концевые, с прямым,

либо округлым лезвием. Сверла имеют трех-, четырехгранное лезвие. Проколки выполнены на пластинчатых отщепках и имеют более тонкий заостренный конец. Резчики немногочисленны. Шлифованные орудия представлены обломками.

А.Х. Халиков решал проблему распространения волосовских памятников на Суре и Мокше исходя из концепции происхождения волосовских древностей на основе памятников волго-камской культуры, на которые оказало дополнительное воздействие ранневолосовское население Средней Волги. В.П. Третьяковым при подсчете индекса родственности, было установлено, что наибольшее, по его мнению, генетическое сходство сурско-мокшанские древности имеют со средневожскими (59%) и в меньшей степени с приокскими (46%). Однако В.П. Третьяков рассматривал сурско-мокшанские древности суммарно, не задаваясь вопросом о степени их внутреннего сходства. Между тем, даже из приведенной им таблицы видно, что присурская керамика сильно отличается от примокшанской. Индекс родства между их памятниками составляет от 12 до 26%. Кроме того, к волосовским отнесено Старо-Яксарское поселение, относящееся к алтатинской культуре. К тому же, разница в степени сходства сурско-мокшанской керамики с посудой Поочья и Средней Волгой не велика – это всего 2 мотива орнамента. Впоследствии А.И. Королевым было установлено, что примокшанские материалы имеют примерно равные коэффициенты сходства как с керамикой Поочья, так и Марийского Поволжья.

Определяя время и пути миграции волосовских племен на Мокшу, необходимо исходить из анализа наиболее ранних волосовских материалов, которые зафиксированы на стоянке Имерка 8. Последующие материалы уже иллюстрируют процесс развития местных традиций. Поскольку указанная миграция датируется ранневолосовским временем, то при поиске ее истоков необходимо обращение к синхронным материалам. По мнению В.В. Никитина, именно в ранневолосовское время имеет место наибольшее отличие между средневожскими и окскими памятниками, которое позже нивелируется. Главное отличие средневожских памятников заключается в использовании растительной, а не раковинной примеси, в малом употреблении ямчатых вдавлений и в полном отсутствии сложных рамчатых штампов. По данным параметрам ранняя керамика Имерки 8 значительно ближе к посуде приокских стоянок, нежели – средневожских. Кроме того, для марийских памятников характерно достаточно широкое использование ножевидных пластин в качестве заготовок, а для Примокшанья подобные орудия редкость. К тому же В.В. Никитин четко ограничивает район распространения ранних средневожских традиций левобережным бассейном Марийского Поволжья. Все ранние волосовские стоянки правобережья он относит к окскому локальному варианту. Таким образом, наиболее вероятным является переселение волосовцев в Примокшанье с территории Поочья.

**4.3. Проблема культурного статуса и происхождения позднеэнеолитических древностей Посурья и Прихоперья.** Керамика присурских памятников характеризуется рядом общих черт, свидетельствующих об их культурном единстве, но имеется и ряд локальных особенностей. Сосуды содержат примесь растительных остатков, реже толченую раковину. Днища обычно плоские, реже округлые. Преобладают горшковидные сосуды с венчиками отогнутыми наружу. Реже встречаются банки со слабо прикрытым горлом. Венчики Пензенских поселений снаружи нередко имеют утолщенный бортик, придающий им Г-образные очертания. На Ховрино 5 зафиксированы Т-образные венчики, а на некоторых сосудах имеются уступчики при переходе от шейки к тулову. Орнаментация разреженная, встречаются неорнаментированные сосуды. В орнаментации преобладают зубчатые штампы и ямчатые вдавления различной формы, реже используются прочерченные линии и веревочные отпечатки. К распространенным мотивам относятся горизонтальные и диагональные ряды прямо или наклонно поставленного штампа, вертикальные и горизонтальные зигзаги, косая сетка. Изредка встречаются: шагающая гребенка, заштрихованные треугольники или прямоугольники, елочка с асимметричными ветвями.

Характерный комплекс каменных орудий может быть описан по материалам поселений Ховрино 5 и Грабово 1. Наиболее многочисленны концевые скребки и скребла, со

спрямленным лезвием. Ножи и резчики изготовлены на удлинённых отщепах с лезвием, обработанным плоской струйчатой или краевой ретушью. Большинство скобелей имеют широкие и неглубокие рабочие выемки. Перфораторы представлены проколками и сверлами. Долота найдены в обломках. Наконечники листовидные, треугольные с вогнутым основанием, иволистные, подромбические, треугольно-черешковые. Характерна отщеповая техника, типологическая бедность орудий, эпизодическое использование кварцита.

Во всех жилищах Ховрино 5 зафиксированы металлические изделия и следы металлообработки. Это 2 ножа, 2 пластинки, 2 свернутых кусочка меди, крючок, округлая пластинка с пуансонным орнаментом, четырехгранное шило, массивное тесло с желобчатым лезвием и раскованным бойком. К следам металлообработки относятся 2 капли меди и ошлакованные обломки трех сосудов. Шлакированные фрагменты керамики присутствуют на поселении Подлесное 5. На 2-ом Екатерининском поселении найдено шило, имеющее прямоугольное сечение со сплюснутыми гранями.

**Культурная принадлежность.** Керамика присурских поселений традиционно относится исследователями к волосовской культуре, с которой ее сближает использование раковинных и органических примесей, формы плоскодонных и круглодонных сосудов с плавно профилированными венчиками, орнаментация отпечатками зубчатого штампа. Вместе с тем имеется и ряд существенных отличий. Большая часть присурской керамики характеризуется более плотной структурой керамического теста. Здесь не используются специфичные для волосова рамчатые штампы, при высоком проценте ямчатых вдавлений. Имеется ряд оригинальных мотивов в виде косо-вертикальных лесенок, вертикальных спаренных и строенных зигзагов, треугольников, заполненных поперечными рядами вдавлений. Не характерны для волосовской керамики и сосуды с уступчатыми венчиками, также как и сосуды с желобком изнутри. Рядом своеобразных черт характеризуется каменная индустрия, в которой наряду с кремнем эпизодически используется кварцит. Здесь отсутствует столь характерная для волосовцев тщательность в обработке орудий, значительно беднее выглядит их ассортимент. Почти не известны на волосовских стоянках треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, характерные для степных культур. Не находит аналогов в волосовских древностях ховринский комплекс металлических изделий и ховринские жилые сооружения. Указанные отличия позволяют поставить вопрос о самостоятельном культурном статусе присурских древностей.

К степной линии развития энеолитических культур относятся памятники, находящие ряд аналогий в поздних среднестоговские и ямно-репинские древностях. В Верхнем Посурье они представлены материалами поселения Подлесное 4, керамика которого содержит в тесте примесь органики (выщелочившихся раковин). Большинство сосудов имеют густые (типично стоговские) следы расчесов с внутренней стороны, а некоторые и с внешней. У большинства сосудов венчики резко отогнуты наружу, иногда с желобком изнутри. Их верхний срез обычно скошенный, реже плоский. Нередко верхняя часть венчика утолщена и близка к Т-образной форме. В орнаментации ведущую роль играют короткие, реже длинные оттиски зубчатого штампа, которые располагаются горизонтальными рядами, реже образуют заштрихованные фигуры, иногда обрамленные «бахромой». Несколько сосудов украшено «гусеничным» штампом. Примерно четвертая часть венчиков орнаментирована веревочными отпечатками. Некоторые сосуды украшены рядами наколов. Узоры тяготеют к верхней части сосуда и около 70% стенок не имеют орнамента. Днища небольшие, уплощенные, с плавным переходом к тулову.

Керамика Подлесного 4 близка среднестоговской посуде Шиловского поселения, где так же имеются отогнутые наружу, желобчатые и утолщенные венчики с округло срезанным верхним краем, используются сходные элементы орнамента: оттиски перевитой веревочки, «гусеничные» и зубчатые отпечатки. Тем же набором сходных признаков характеризуется и позднестоговская керамика 2-ой Копанищенской стоянки, определенные аналоги которой имеются в ямно-катакомбной посуде Сасовских курганов. находка в ямно-катакомбных погребениях сосудов близких среднестоговской керамике допускает возможность доживания стоговских традиций до времени появления раннекатакомбных

древностей. Одним из примеров своеобразного долголетия данных традиций, видимо, и является керамический комплекс поселения Подлесное 4.

Памятники ямно-репинского типа в Прихопerry выявлены А.А. Хрековым. Керамика репинского типа представлена круглодонными горшками с более или менее высокими желобчатыми венчиками, отделенными от тулова горизонтальным рядом глубоких ямок. Посуда ямно-репинского типа имеет короткие, сильно отогнутые наружу венчики, либо представлена банками с зауженным горлом. Обе группы сосудов содержат в тесте примесь растительных остатков и песка, а репинские сосуды иногда - примесь толченой раковины. Орнаментация состоит из горизонтальных рядов наклонных оттисков зубчатого штампа или вдавлений различной формы, широких прочерченных линий, образующих треугольные фигуры, реже - из веревочных отпечатков.

Отдельные фрагменты керамики с ямными признаками получены автором при раскопках поселения Кипец 1. Это сосуды позднеэнеолитического облика, имеющие короткие отогнутые наружу венчики, переходящие в округлое тулово. На внешней и внутренней поверхности фиксируются следы глубоких расчесов. На двух сосудах оттисками зубчатого штампа украшены только внутренние стенки горла и срез венчика, на двух других - оттиски штампа в верхней части тулова образуют горизонтальные ряды и зигзаги. На одном сосуде внутренние стенки орнаментированы типично ямно-репинским узором из прочерченных треугольников, заполненных рядами вдавлений. В облике данной керамики нет репинских черт (раздутых желобчатых венчиков, ямок и жемчужин под верхом сосуда), и она, видимо, иллюстрирует иной путь перехода от энеолитических древностей к ямным, не на репинской, а на среднеэнеолитической основе.

**Происхождение.** Начало позднего энеолита в лесостепном Волго-Донье было ознаменовано сложением памятников репинского типа. А.Т. Синюк считает, что их формирование проходило в основном на территории Среднего Дона в ходе взаимодействия носителей ранних среднеэнеолитических и нижнедонских традиций, при ведущей роли последних и некотором участии местного неолитического населения. По мнению Л.А. Спицыной, репинские традиции значительно ближе к среднеэнеолитическим (дереивским), чем к нижнедонским. Еще одним компонентом сложения репинских древностей послужили традиции северскодонецких памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, где имеются толстостенные сосуды с желобчатым горлом, округлым дном и туловом, украшенные под венчиком рядами ямок или жемчужин. Точка зрения Л.А. Спицыной по ряду позиций нам представляется более обоснованной. Большинство перечисленных А.Т. Синюком репинских признаков, находящие аналоги в нижнедонской посуде, характерны и для среднеэнеолитической керамики, поэтому нет необходимости выводить их из нижнедонских традиций, где они являются выборочными, тогда как на среднеэнеолитической посуде они присутствуют и соответственно наследуются в комплексе. Вместе с тем, вряд ли может быть оспорен тезис А.Т. Синюка о том, что по форме и орнаментации к репинской керамике ближе ранняя среднеэнеолитическая посуда, нежели поздняя (дереивская), как это пытается доказать Л.А. Спицына.

В начале позднего энеолита алтатинское население Посурья, видимо, продолжало развитие прежних традиций, что наглядно иллюстрируется материалами поселения Подлесное 4. Находясь на северо-западной периферии алтатинского ареала, присурское население испытывает определенное влияние со стороны среднеэнеолитических племен, основные миграционные потоки которых проходили по территории Верхнедонского бассейна. Вероятно, в результате притока нового населения с юга, среднеэнеолитическая линия развития в Подонье сменяется репинской. До Верхнего Прихопerry репинский импульс доходит в ослабленной форме. Некоторое усиление указанного влияния начинает проявляться здесь только на финальном ямно-репинском этапе, который связан с трансформацией прежних традиций. Керамика становится более толстостенной. На смену горшковидным сосудам с раструбным горлом приходят банки с зауженным устьем и горшки с прямо поставленным или коротким отогнутым наружу венчиком. Постепенно выходит из употребления орнамент из горизонтального пояса ямок или «жемчужин».

Причем на ямно-репинском этапе перечисленные признаки сосуществуют. В восточных районах Волго-Донской лесостепи, куда репинское влияние не достигало, продолжается развитие позднестоговских традиций.

**4.4. Роль приднепровского населения в сложении энеолитических культур Сурско-Окского междуречья.** В позднем энеолите Среднее Поочье начинает испытывать воздействие со стороны приднепровских племен, носителей древностей дубровичского типа. В правобережном Поочье все дубровичские поселения многослойные, поэтому могут быть описаны только по керамике, выделенной типологически. К наиболее ранней протодубровичской керамике относятся материалы Старорязанской и Иконинской стоянок. Керамика относительно тонкостенна (5-8 мм), с примесью мелкозернистого песка, реже органики. Венчики прямые или слабо профилированные, днища круглые, приостренные или слегка уплощенные. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Преобладает ямчато-рубчатая орнаментация. Ямки располагаются в шахматном порядке, горизонтальными зонами, иногда образуют геометрические мотивы. Изредка встречаются отпечатки гребенки, образующие вертикальный зигзаг, короткие оттиски веревочки.

Своеобразный облик имеет дубровичская керамика поселения Ибердус 1. Ее значительная часть имеет венчики с внутренним наплывом и приостренным отогнутым верхним краем. Днища округлые, уплощенные и конические. В орнаментации преобладают лапчатые отпечатки, расположенные в горизонтальные, реже диагональные строчечные ряды, либо заполняющие тулово сосуда в шахматном порядке. Геометрические узоры выполнены разнонаклонными строчками ямок, образующими вертикальные зигзаги, разделенные по горизонтали рядами ямок, треугольные и прямоугольные фигуры, косые кресты и др. Здесь присутствуют сосуды, украшенные не характерными для дубровичской посуды крупными наколами и прочерченными линиями, отнесенные В.В. Сидоровым к имеркской культуре. Однако тесто данных сосудов, форма их венчиков и днищ практически ничем не отличается от выше описанных, и, видимо, все они относятся к единому культурно-хронологическому комплексу, материалы которого иллюстрируют процесс складывания имеркских древностей на основе дубровичских.

К дубровичской близка керамика поселения Городок 1, на которой доминирует веревочная и ямчатая орнаментацией, изредка используются оттиски зубчатого штампа. Преобладают несложные композиции, состоящие из чередования горизонтальных рядов ямчатых и веревочных вдавлений, которые иногда перемежаются участками неорнаментированного пространства, образуют геометрические фигуры. Большинство венчиков в верхней части слабо отогнуты наружу. Реже встречаются прямостенные. По орнаментации и форме венчиков данная керамика находит аналогии в посуде верхнего слоя Долговской стоянки и в поздней ямочно-гребенчатой керамике Северной Украины, и ее происхождение, видимо, связано с трансформацией ямочно-гребенчатой керамики, после распада данной общности на ряд локальных культур. Впоследствии носители данного типа посуды, видимо, приняли участие в формировании керамики дубровичского типа.

**Памятники имеркской культуры.** В Примокшанье большая часть имеркских поселений приурочена к тем же самым местам, что и волосовские стоянки. Количество жилищ, изученных раскопками на имеркских поселениях, невелико. По два жилища исследовано на поселениях Новый Усад 4 и Имерка 5. Керамика содержит примесь органики и птичьего пуха. На внутренней стороне большинства венчиков имеется наплыв. Преобладают приостренные днища с шиповидным завершением, встречаются также округлые, плоские и слабо вогнутые. Керамика достаточно плотно украшалась, неорнаментированные сосуды редки. Наиболее употребительными были прочерченные линии. Широкие прочерченные зоны разделялись поясками частых зубчатых оттисков или наколов. Доля накольчатого орнамента колеблется от 7% до 31%. Несколько реже использовались оттиски зубчатого штампа: короткие, прямые или изогнутые (от 5,5% до 22%). Значительно реже использовались длинные и средние штампы, отпечатки веревочки.

Для определения степени внутреннего единства имеркских памятников А.И. Королевым были проведены подсчеты коэффициентов родственности, и было установлено, что

керамику поселений Имерка 5, 8, Новый Усад 4, Волгапино, объединяет высокий ИР – от 79 до 88%, значение которого несколько меньше для керамики поселений Широмаково 2, Имерка 6, Большой Колояр, Скачки – от 51 до 86% (в среднем 66%).

Каменный инвентарь. Наиболее представительной категорией орудий являются скребки: подпрямоугольные, подтреугольные, трапециевидные, овальные, округлые, аморфные и др. Скобели невыразительны и различаются только по ширине рабочей выемки. Многочисленными изделиями представлены ножи, среди которых преобладают односторонние с прямым или с округлым лезвием. Перфораторы подразделяются на сверла, проколки, развертки. Рубящие орудия, резцы и резчики относятся к разряду редких. Топоры имеют клиновидную форму. Долота небольшие, подовальной формы. Обломками невыразительной формы представлены тесла. Среди наконечников стрел и дротиков наиболее многочисленны треугольно-черешковые и листовидные, с пером среднего размера. Наконечники с вытянутыми пропорциями пера встречаются реже. Единичными экземплярами представлены миндалевидные и ромбические.

Обширная коллекция материалов медеплавильного производства собрана на поселении Волгапино: 60 обломков льячек, 11 обломков и 1 целая литейная форма, 4 сосуда со шлакированной поверхностью. Обломки двух похожих льячек и шлакированные фрагменты имеркского сосуда выявлены на поселении Имерка 8. Фрагмент льячки найден на поселении Скачки. С Нового Усада 4 получена односторонняя литейная форма для отливки крупного, плоского изделия – топора или тесла. Все литейные формы односторонние, с массивными закраинами, предназначенные для отливки крупных плоских предметов. Высокими трапециевидными пропорциями и закругленными углами имеркские формы напоминают плоские тесла майкопской и трипольской культуры. Однако последние имеют вытянутые пропорции и, даже у самых широких из них, длина вдвое превышает ширину. Тогда как у имеркских орудий соотношение длины и ширины равно 1:1,3.

Металлические изделия немногочисленны. Кроме ножа с поселения Новый Усад 4, связь которого с имеркским комплексом не бесспорна, следует назвать два сплеска меди и изогнутую пластинку с поселения Волгапино. Не ясна связь с имеркской металлургией объемной фигурки головы медведя с Имерки 5. Отливка такого предмета невозможна в односторонней литейной форме. Получение объемных предметов – явление позднего порядка. Их изготовление волосовским и гаринско-борским металлургам неизвестно. Только на одном позднейшем волосовском памятнике выжумского типа Сутырское 5, обнаружены фрагменты литейных форм, выполненных с использованием восковых моделей. Отсутствие на имеркских поселениях находок двусторонних форм, при обилии односторонних, оставляет открытым вопрос об изготовлении медвежьей фигурки именно имеркскими литейщиками. Финал существования имеркских памятников совпадает со временем проникновения на р. Мокшу ямно-полтавкинско-катакомбного и фатьяно-балановского населения, керамика которых присутствует на ряде имеркских поселений. Однако в металлообработке имеркских племен каких-либо заимствований с их стороны проследить не удается.

**Происхождение дубровичских и имеркских древностей.** Происхождение дубровичской культуры Б.А. Фоломеев связывает с продвижением на Оку верхнеднепровских и деснинских племен, которое началось еще в 1-й пол. III тыс. до н.э. Эта миграция шла широкой полосой по южной части лесной зоны и северной лесостепи через Десну на Верхнюю и Среднюю Оку и Верхний Дон и отмечена значительным количеством памятников с лапчатой керамикой. Сходных взглядов придерживается В.В. Сидоров, по мнению которого, происхождение дубровичской культуры связано со смешением лапчатых (верхнеднепровских) и волосовских традиций. Им фиксируются два миграционных потока носителей лапчатой керамики: раннее эпизодическое появление в начале и середине III тыс. до н.э., и поздняя массовая миграция на рубеже III - II тыс. до н.э.

С вышеописанными процессами следует связывать и происхождение имеркских древностей, картину сложения которых иллюстрируют материалы поселения Ибердус 1. Энеолитическую керамику данного поселения В.В. Сидоров разделяет на три группы: лапча-

тую, имеркскую крупнонакольчатую и прочерченную - типа Дронихи, хотя и признает, что все эти типы «перетекают» друг в друга. Лапчатые ямки служат разделительными поясками на сосудах с прочерченным орнаментом, венчики с наплывами сочетаются с наколами и лапчатыми вдавлениями, на сосудах всех групп используются сложные геометрические мотивы, в тесте присутствуют одинаковые примеси, что, по его мнению, свидетельствует о теснейшем взаимодействии традиций изготовления крупнонакольчатой и лапчатой керамики. С чем нельзя не согласиться. Однако выделение указанных групп произведено В.В. Сидоровым на основании только одного признака - техники нанесения орнамента: лапчатой, крупнонакольчатой и прочерченной, которые к тому же взаимопересекаются. По остальным параметрам керамика Ибердуса представляет собой несомненное единство и является результатом указанного В.В. Сидоровым теснейшего взаимодействия, которое, однако, имело место ранее, а вовсе не фиксирует момент встречи на поселении носителей выше названных компонентов. Это уже не верхнеднепровская и не дубровичская керамика, но еще и не имеркская – это единый комплекс керамики протоимеркского типа. Следовательно, в формировании имеркской культуры принимали участие не только верхнеднепровские племена восточно-полесской культуры, как это считает В.В. Сидоров, но и носители керамики дубровичского типа. В пользу данного предположения свидетельствует и облик дубровичской керамики поселения Борки 2, где пока еще нет типично имеркских прочерченных мотивов орнамента, но уже появляются венчики с характерными наплывами-утолщениями на внутренней стороне венчика, которые, видимо, были выработаны именно в дубровичской среде, поскольку их прототипы имеются уже в ранней коллекции керамики с поселения Дубровичи, а на верхнеднепровской посуде они отсутствуют.

## **Глава 5. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века.**

Одной из дискуссионных проблем периодизации бронзового века является хронологическое несоответствие выделяемых периодов для древностей лесной и степной зон. Если степные культуры традиционно подразделяют на три этапа (ямный - катакомбный – срубный), то древности лесной полосы обычно делят только на два: ранний - фатьяно-балановский (досейминский) и поздний (поздняковский и культуры сетчатой керамики). Поскольку в нашей работе основное внимание уделяется культурам лесной и лесостепной зон, то мы пользуемся двухчленной периодизацией. Период раннего бронзового века лесостепной полосы это время существования целого ряда культур и культурных типов, время постоянных миграций и интенсивных контактов, ведущих к сложению синкретических культур. В позднем бронзовом веке в результате усиления интеграционных процессов былое разнообразие сменяется всеобщей однородностью культуры.

**5.1. Миграции иванобугорских племен и сложение памятников примокшанской культуры.** По мнению В.П. Челяпова, появление примокшанских древностей в Поочье объясняется тем, что на рубеже III-II тыс. до н. э. ямные племена вытесняют со Среднего Дона часть населения иванобугорской культуры, которое смещается на север, где на его основе, еще до появления здесь фатьяновских древностей, происходит сложение примокшанской культуры. На наш взгляд, процессы переселения иванонобугорских и фатьяновских племен были обусловлены причинами одного и того же характера - увеличением засушливости климата и, вероятно, протекали в близких хронологических рамках. Все примокшанские поселения по особенностям топографического расположения делятся на две группы. К первой группе относятся поселения, расположенные на краю первой надпойменной террасы или на песчаных пойменных дюнах, а ко второй - расположенные на высоких труднодоступных местах второй надпойменной террасы.

Керамические комплексы примокшанских поселений характеризуются рядом общих признаков. Керамика содержит мелкий песок, реже органику. На поверхности фиксируются следы выгоревших ворсинок. Сосуды имеют сложно профилированные венчики с воротничковыми утолщениями, иногда желобчатые. Преобладают горшковидные сосуды с горлом, плавно выделенным с внешней стороны и с резким (ребристым) переходом из-

нутри. Днища сосудов плоскодонные, небольшого диаметра. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа, широко используются ромбические опечатки, разнообразные ямчатые вдавления, а на отдельных памятниках – прочерченные линии. Значительно реже применялись узкие насечки, вдавления перевитой веревочки, ногтевые зацепы, полуовальные оттиски штампа и валики. Часть сосудов не имеет орнамента или украшена только по срезу венчика.

О каменном инвентаре примокшанской культуры судить сложно, поскольку большинство памятников многослойные, и данная категория артефактов крайне малочисленна. Характерно использование в качестве заготовок широких продольных сколов и ножевидных пластин. Основные типы орудий представлены: концевыми и боковыми скребками, ножами на пластинах, листовидными наконечниками стрел. К орудиям меднолитейного производства относится глиняная льячка с Теньгушевского городища, имеющая боковой слив и короткую ручку. Немногочисленны и находки металлических предметов. На Теньгушевском городище найдено шило, имеющее квадратное сечение, на Паевском городище – два кованых стержня (медный и серебряный) и две булавки. Головка одной булавки оформлена в виде шляпки, ниже которой идут пять рельефных поясков. Верхний конец второй булавки расплюснут и преобразован в спиральные завитки.

Наличие близких параллелей в примокшанской керамике Шокшинского поселения и иванобугорской керамике, свидетельствует об их принадлежности к единой традиции, а также о том, что на территорию Примокшанья иванобугорские материалы попадают в уже вполне сложившемся виде. По-видимому, переселение иванобугорских племен было обусловлено катакомбной экспансией на территорию лесостепного Подонья, которая имела место в XIX в. до н.э. Вероятно, в близких хронологических рамках осуществляется и иванобугорская миграция на Мокшу. Началом II тыс. до н.э. датируется бронзовая гвоздевидная булавка с Паевского городища, которая находит практически точные аналогии в костяной булавке из Тимофеевского ямного кургана.

Дальнейшее развитие примокшанских традиций иллюстрируют материалы Теньгушевского и Вознесенского городищ, керамика которых находит ряд близких аналогий не только в иванобугорской, но уже и в воронежской посуде. Здесь воронежские типы венчиков сочетаются с иванобугорской манерой орнаментации. Более поздний облик имеет посуда Жуковского городища, для которой характерны горшковидные сосуды с плавно отогнутым наружу венчиком с заостренным или скошенным наружу срезом. Завершающий этап примокшанской культуры представлен материалами погребений Широмазовского могильника, синхронных Шагарскому, среди погребального инвентаря которого зафиксированы костяные пряжки сложносоставного типа, находящие близкие аналогии в материалах культуры многоваликовой керамики первой половины XVI в. до н.э. В целом, существование примокшанских древностей можно синхронизировать с ранним и развитым этапами бытования среднедонской катакомбной культуры.

**5.2. Время и основные пути расселения фатьяно-балановских племен на территории Сурско-Окского междуречья.** Фатьяно-балановские древности Сурско-Окского междуречья представлены поселениями, единичными захоронениями, местонахождениями керамики и боевых топоров. В правобережье Рязанского Почья достоверных могильников не выявлено. В Примокшанье известно только два балановских захоронения. Одно на дюне Озименки, второе – на Теньгушевском городище, где раскопан разрушенный курган (?), рядом с которым собраны фрагменты балановских сосудов. В Среднем Посурье два балановских кургана с материалами ошпандинского типа исследованы В.Н. Шитовым у с. Киржеманы. Пять грунтовых могильников и три кургана обнаружено в Нижнем Посурье. Все они разрушены хозяйственными работами или исследованы непрофессионалами.

Наиболее ранний облик в Примокшанье имеет керамика поселения Новый Усад 4. Сосуды имеют тонкие подлощенные стенки, шаровидное тулово и расширенное раструженое горло, орнаментированы отпечатками перевитой веревочки, оттисками мелкозубчатого и среднезубчатого штампа, рядами наколов, короткими резными линиями. Ближай-

шие аналогии новоусадовская керамика находит среди посуды Кузьминковского могильника, в которой прослеживается ряд черт, восходящих к среднеднепровской культуре.

На остальных поселениях преобладает керамика атликасинского и ошпандинского облика. Преобладают сосуды бомбовидной формы с прямой высокой шейкой, и наlepным валиком под венчиком. Основными элементами орнамента выступают прочерченные линии и отпечатки зубчатого штампа. Нередко прочерченные линии только оконтуривали геометрические фигуры, заполненные отпечатками штампа. Наиболее распространенными мотивами гребенчатого орнамента являются: горизонтальные зигзаги, цепочки ромбов или треугольников, обычно опущенных вершиной вниз, иногда – вверх, горизонтальные или вертикальные полосы. В прочерченной технике чаще всего выполнялись горизонтальные ряды из наклонных разнонаправленных и вертикальных прочерков.

Особенного внимания заслуживают находки фатьяно-балановской керамики, обнаруженные на катакомбном поселении Кипец 1, на р. Вороне. Наличие на поселении сосудов с S-овидными венчиками и веревочными отпечатками, отсутствие геометрических узоров атликасинского типа, свидетельствует о ее раннем облике, находящем ближайšie аналоги в ранних фатьяновских материалах. Совместное нахождение катакомбной и фатьяно-балановской керамики уже неоднократно фиксировалось исследователями, в том числе и в закрытых комплексах. Это Богучарский могильник, поселения: Елецкое, Терновое, Городок 1, Новый Усад 4. Все это свидетельствует о контактах между населением данных культур.

С фатьяно-балановскими древностями традиционно связывают находки каменных сверленных и кремневых клиновидных топоров. В Примокшанье выявлено 105 сверленных топоров и их обломков, по бассейну р. Цны классифицировано 44 находки топоров, по правобережному бассейну Средней Оки – 37, по правобережному бассейну Нижней Оки и левобережному бассейну Нижней Суры – 70, по Верхнему и Среднему Посурью – 61, по Прихоперью – 12. Еще 32 топора учтены из числа находок, сделанных на территории Мордовии и бывшей Пензенской губернии, а их общее количество составило 326. В Сурско-Окском междуречье преобладают находки сверленных топоров простых форм с усеченно-коническим обушком и, несколько реже встречаются клиновидные, что отличает его от основного ареала фатьяновских и балановских древностей. Так, на Средней Волге наиболее распространенными являются короткообушковые топоры, а на фатьяновской территории молотковидные топоры с выделенным обушком. Последний тип топоров достаточно широко представлен только в Нижнем Посурье, которое выделяется и широким распространением ромбических форм, при сравнительно низком проценте находок сверленных клиновидных топоров. Перечисленные особенности характерны и для Рязанского Поочья, что, видимо, объясняется близостью данных регионов к основному ареалу фатьяновской культуры. Примокшанье, поречье Цны, Верхнее Посурье по набору сверленных топоров ближе к комплексам балановских древностей, о чем свидетельствует многочисленность находок здесь сверленных топоров клиновидной формы, достаточно широкое распространение втульчатых топоров, при малочисленности длиннолопастных, наличие клиновидных несверленных топоров с обушком или перехватом. Важной отличительной особенностью Сурско-Окского междуречья является редкость находок кремневых клиновидных топоров, которые широко распространены на других территориях. Подобные отличия могут объясняться, как более поздней хронологией сурско-окских древностей, так и иными экономическими приоритетами местного населения.

Малочисленность находок ранней фатьяновской керамики и отсутствие могильников раннего времени в Примокшанье свидетельствует о том, что данный регион оказался слабо затронут первой волной фатьяновского переселения. Массовое появление в Сурско-Окском междуречье памятников балановской культуры происходит на ее атликасинском этапе развития. Вероятно, к этому времени в их экономике происходит ряд существенных изменений, которые приводят к постепенному отказу от широкого использования кремневых клиновидных топоров и появлению поселений на высоких труднодоступных местах. По мнению О.Н. Бадера и А.Х. Халикова, появление атликасинской керамики

объясняется развитием балановских традиций. Б.С. Соловьев полагает, что носители атликасинской керамики генетически не связаны с балановским населением, и на Среднюю Волгу они проникли с южных лесостепных территорий, откуда принесли с собой подкурганый обряд погребения и посуду с зонально-геометрической орнаментацией.

По мнению О.С. Гадзяцкой, атликасинская керамика не имеет аналогов на западных территориях, поэтому ее происхождение связано со Средней Волгой. Однако Е.В. Волкова полагает, что на западе в жуцевской и среднеднепровской культурах имеются аналогии всем фатьяно-балановским мотивам орнамента, за исключением перекрещивающихся линий. Одной из вероятных территорий формирования атликасинских древностей является Среднее и Верхнее Поочье, где практически не изучены могильники, но имеется множество атликасинских местонахождений. Тяготеет к балановским формам и большинство здешних топоров. Новая волна миграции населения культуры боевых топоров, видимо, была обусловлена активизацией катакомбных племен, которые в конце первой четверти II тыс. до н. э. занимают территорию Верхнего Подонья, вытесняя отсюда прежнее население.

**5.3. Поселение Широмазово 1 и проблема сложения фатьяноидных и чирковских древностей.** На Нижней Мокше В.В. Гришаковым исследовано поселение Широмазово 1, где вскрыто 7 построек, расположенных в две линии. Северная линия состояла из трех соединенных переходами сооружений, в южной - были соединены только постройки №1 и №4. Постройка №3 разрушена при строительстве жилища №1. Полуземлянки имели отвесные стенки котлована, ровное, иногда покатое дно и подпрямоугольную форму размерами от 360 до 712 см. В постройках №1, 2, 5 обнаружено по одному очагу, в постройке №4 – два.

Керамика поселения подразделяется на два комплекса: балановский и примокшанский. При этом фиксируется сосуществование их носителей. Керамика балановского типа подразделяется на две группы. К первой относится керамика с примесью песка. Толщина стенок 0,4-0,5 см. Сосуды не отличаются большими размерами, имеют бомбовидную форму с высоким вертикальным или раструбным горлом, украшены оттисками зубчатого штампа и прочерченными линиями, которые образуют зигзаги, фестоны, прямоугольные и ромбические фигуры, либо располагаются горизонтальными. Вторая группа керамики содержит примесь шамота. Сосуды имеют прямостенные или раструбные венчики, переходящие в расширенное и вытянутое яйцевидное тулово, оканчивающееся небольшим округлым или уплощенным дном. Большинство сосудов имеет крупные размеры. Их орнаментация не отличается сложностью. Обычно это горизонтальные ряды наклонных разнонаправленных оттисков зубчатого штампа, которыми украшена только верхняя треть сосуда, есть полностью неорнаментированные сосуды. На стенках ряда сосудов заметны следы нагара.

Керамика примокшанского типа содержит примесь шамота, песка и выгоревших ворсинок. Характерными признаками являются наличие внутреннего ребра и желобчатость венчика. Наиболее многочисленны сосуды с округловыпуклым или слабо профилированным туловом и сильно отогнутым наружу венчиком. Сосуды украшены оттисками зубчатого штампа, полулунными вдавлениями. Узоры представлены горизонтальными рядами оттисков гребенки, зигзагообразными, ромбическими и треугольными фигурами. Единичны оттиски овального зубчатого и ромбического штампов, пальцевые зацепы.

При исследовании соединенных переходом жилищ №1 и №4 установлено, что носители керамики балановского и примокшанского типа проживали на поселении одновременно. Об этом свидетельствует совместное залегание в предпольной части жилища 20 балановских фрагментов керамики, вкопанного в пол сосуда и 31 фрагмента керамики примокшанского типа. Еще 45 примокшанских фрагментов обнаружены в хозяйственных ямах жилища. В жилище №4 собрана балановская керамика.

Балановская керамика находит ближайšie аналогии в посуде нижнего слоя Васильсурского поселения, которая также подразделяется на две группы. Как и на Широмазово, первую группу здесь составляют небольшие тонкостенные сосуды с примесью песка,

украшенные горизонтальными рядами из наклонных зубчатых оттисков, вертикальных ромбов, прямоугольников и заштрихованных зигзагов. Ко второй - относятся более крупные сосуды с примесью шамота, имеющие удлинённые пропорции и плавный переход от выпуклого тулова к горлу. Но все васильсурские сосуды второй группы в отличие от широмазовских не имеют орнамента, и поэтому особенно близок последним сосуд, в облике которого, по мнению А.Х. Халикова, фиксируются чирковские черты: вытянутые пропорции, почти сплошная орнаментация поверхности, узор из наклонных зубчатых оттисков. Их появление связывается им с волосовским влиянием. Но, судя по материалам Широмазовского поселения, своеобразие данной керамики объясняется иначе. Данные сосуды залегали здесь в ямах рядом с очагами, имели следы нагара на стенках, и предназначались для приготовления или хранения пищи, т.е. являлись кухонными.

Материалы аналогичные васильсурским фиксируются и на территории Волго-Окского междуречья, где они получили название фатьяноидных. О.С. Гадзяцкая связывает их происхождение с процессом смешения фатьяновских и волосовских традиций. Но, как стало ясно после раскопок 1-го Широмазовского поселения, фатьяноидные материалы не являются однородными. Часть фатьяноидной керамики поселений Сахтыш 1 и 2 находит полные аналогии среди крупных сосудов второй группы Широмазовского поселения. Однако основная масса сахтышской керамики отличается более сложной орнаментацией, имеет желобчатые венчики, и нередко украшена рядами пальцевых защипов и ромбическими фигурами, нанесенными зубчатым штампом, а также горизонтальными поясками длинного зубчатого штампа и елочными композициями. Сочетание данных признаков является культуроопределяющим для примокшанской керамики поселения Широмазово 1, материалы которого наглядно иллюстрируют процессы взаимодействия фатьяно-балановского и примокшанского (иванобугорского) населения, которое и привело к появлению фатьяноидной керамики. Причем, если на Широмазовском поселении две указанные традиции еще не слились воедино и сосуществуют друг с другом буквально в одних и тех же жилищах, то на керамике Сахтышей уже фиксируются только некоторые широмазовские черты. Таким образом, истоки фатьяноидной керамики восходят к поселенческой кухонной посуде балановского населения, на развитие которой большое влияние оказали традиции населения примокшанской и, вероятно, шагарской культуры.

**5.4. Характер взаимодействия катакомбных племен с населением лесостепной зоны.** Сурско-Окское междуречье относится к северо-восточной периферии катакомбной культуры, и здесь ее памятники немногочисленны. Значительно лучше катакомбными племенами было освоено Верхнее Прихоперьё, где раскопано поселение у озера Кипец. Собранная керамика содержала примесь шамота. Более 60% керамики не имело орнамента, но большинство венчиков орнаментировано. Остальные фрагменты украшены: веревочными отпечатками (15,5%), наклепными валиками (11%), оттисками гребенки (16%), ногтевыми защипами (5%), прочерченными линиями (4%), рельефными расчесами поверхности (4%). К раннему этапу относятся горшковидные сосуды с невысоким, плавно отогнутым наружу венчиком, украшенные елочными узорами, состоящими из оттисков зубчатого штампа, отпечатками перевитой веревочки, и "личиночных" вдавлений. Ближайшие аналоги подобная керамика находит в посуде Павловского могильника.

Ко второй группе относятся горшки с высоким, резко отогнутым наружу горлом, украшенные наклепными или оттянутыми валиками, которые в ряде случаев чередуются с зонами, заполненными отпечатками перевитой веревочки, или тесьмы. Большинство валиков рассечено ногтевыми защипами. На отдельных сосудах зафиксирована прочерченная орнаментация. Нижняя часть сосудов нередко покрыта дополнительным слоем рельефной обмазки, расчесы которой иногда образуют овальные фигуры. Отпечатки тесьмы обычно образуют горизонтальные пояски, реже заштрихованные геометрические фигуры. Данная керамика синхронна развитому этапу среднедонской катакомбной культуры, хотя ее отдельные признаки характерны и для посуды позднего периода.

В Примокшанье наиболее представительная коллекция катакомбной керамики собрана на поселении Новый Усад 4. Сосуды имеют прямой или плавно отогнутый наружу

венчик, плавно переходящий в тулово или отделенный уступчиком. Днища плоские. Оттиски короткого, слабо изогнутого штампа обычно образуют горизонтальные елочные построения. Оттиски длинного штампа образуют "шагающую гребенку", горизонтальные ряды наклонных отпечатков располагаются в виде горизонтальных поясков. Два сосуда украшены отпечатками перевитой веревочки. Под венчиком одного из сосудов зафиксирован налепной валик, покрытый насечками, на другом - два волнистых валика сформированы защипами. На одном сосуде имеются налепные ручки. Данная керамика находит близкие аналоги в ранней катакомбной посуде Среднего Дона, для которой характерны все перечисленные виды сосудов, преобладание гребенчатой «ёлочной» орнаментации, при меньшей доле веревочных отпечатков, редком использовании прочерков и применении пальцевых защипов для разделения орнаментальных зон. К проявлениям полтавского влияния следует отнести узоры в виде "шагающей гребенки", которые для среднедонской керамики не характерны.

В Посурье коллекция катакомбной керамики собрана на 1-ом Ахунском городище. Большинство сосудов имеет прямой или слабо отогнутый наружу венчик, плавно переходящий в расширенное тулово. Один сосуд не имеет орнамента, остальные украшены вдавлениями гладкого штампа, зубчатыми отпечатками, вдавлениями перевитого шнура, треугольными наколами, валиком с пальцевыми защипами, ногтевыми насечками, образующими горизонтальную елочку. Катакомбная керамика также присутствует в подъемных сборах с Пензенских, Саловской, Бессоновской, Грабовской, 3-ей Русско-Труевской и других стоянок. Кроме того, с катакомбными древностями связаны многочисленные находки треугольных наконечников стрел с выемчатым основанием, ряд находок каменных сверленных топоров и молотов. Катакомбные топоры отличаются от фатьяновских сильно изогнутым профилем и дополнительными рельефными деталями в их оформлении.

Распространение катакомбных памятников на территории Сурско-Окского междуречья следует связывать с бассейном Среднего Дона. Их появление здесь можно синхронизировать с распространением катакомбных памятников на Верхнем Дону и датировать ранним периодом. Вероятно, это был общий процесс освоения катакомбными племенами северной периферии лесостепной зоны. Данная территория, видимо, входила в зону их кочевий, что предполагает наличие кратковременных стоянок, отсутствие долговременных памятников и малочисленность курганных захоронений. Их массовому проникновению на Мокшу, вероятно, препятствовало и местное население примокшанской культуры, вынужденное в условиях катакомбного давления селиться на высоких труднодоступных местах. Единичность катакомбных материалов развитого облика и отсутствие поздних выразительных форм свидетельствует о постепенной утрате интереса катакомбниками к территории Сурско-Окского междуречья. Тем не менее, катакомбные племена оставили достаточно заметный след в развитии культуры местного населения, о чем свидетельствуют материалы поздняяковского поселения Лебяжий Бор 6, в керамике которого фиксируется ряд катакомбных черт. Это наличие сосудов с раструбным горлом, широкое использование веревочных отпечатков, которые на одном сосуде образуют типично катакомбный узор – обращенные вверх полуовалы. К тому же такие специфически поздняяковские элементы орнамента, как «жемчужины», имеют более ранние прототипы в катакомбной керамике Верхнего Дона, население которого, видимо, повлияло на формирование поздняяковских традиций.

Существенное воздействие катакомбные племена оказали и на сложение вольско-лбищенских древностей, одной из характерных черт которых является расположение поселений на высоких труднодоступных местах, что, вероятно, было вызвано напряженной социально-политической обстановкой, имевшей место в лесостепной и юге лесной зоны. В Посурье к вольско-лбищенской культуре относится Екатериновское поселение, расположенное на мысовидном выступе второй надпойменной террасы правого берега р. Сура. Екатериновская керамика содержит в тесте примесь песка и шамота, а так же органики (выщелочившиеся раковины). Днища уплощенные и округлые. Форма горла у большинства сосудов прикрытая, но имеется и цилиндрическая и раструбная. Некоторые

венчики утолщены или имеют внутренние желобки. Два сосуда, с приостренными и отогнутыми вовнутрь венчиками полностью копируют образцы иванобугорской керамики. Преобладает орнаментация из разнообразных оттисков зубчатого штампа и веревочки, изредка используются наколы, единичны рельефные валики.

В орнаментации керамики таких близких параллелей с иванобугорской посудой, какие прослеживаются по формам венчиков, не наблюдается. Большой степенью сходства екатериновская керамика обладает с катакомбной посудой, для которой весьма характерны спаренные пояски веревочки, зигзаги, горизонтальные ряды наклонного штампа, рельефные валики, разомкнутые полуовалы. Ряд сложных екатериновских узоров находит целостные аналогии на вольско-лбищенской посуде. Это горизонтальные зигзаги и треугольники с «бахромой», парные зигзаги, заполненные оттисками гребенки, вертикальные лесенки, парные ряды наклонных оттисков, образующих горизонтальную елочку, чередование парных зигзагов и горизонтальных рядов. Типично вольско-лбищенскую профилировку имеет и ряд венчиков.

Многообразие аналогов, подобных екатериновской керамике, свидетельствует о ее синкретическом облике. Причем, наблюдается не механическое смешение, а сочетание на одних и тех же сосудах признаков, присущих различным традициям. По рецептуре глиняного теста и сходству ряда сложных орнаментальных мотивов, целостное заимствование которых не возможно без трансформации всего облика культуры, ее принадлежность определяется как вольско-лбищенская. Наличие ряда катакомбных и иванобугорских черт свидетельствует о том существенном воздействии, которое она испытала с их стороны. Заметное участие катакомбной культуры в сложении вольско-лбищенских древностей прослеживается и по материалам 2-го Ахунского городища.

Ряд общих черт фиксируется между екатериновской и позднестоговской керамикой поселения Подлесное 4. Это использование органических примесей, резко отогнутые наружу венчики с плоскоскошенным срезом, часть которых имеет желобок, преобладание орнамента из коротких и длинных оттисков зубчатого, иногда «гусеничного» штампа, употребление веревочных отпечатков и совпадение ряда сложных узоров. Видимо, именно позднестоговские традиции легли в основу сложения вольско-лбищенской керамической индустрии. Наличие между ними определенного хронологического разрыва предполагает опосредованное участие среднестоговского населения в формировании вольско-лбищенских памятников. Вероятно, между ними имелось промежуточное звено, к которому и относятся материалы ряда верхнесурских стоянок: Подлесное 4, Бессоновка, Грабово 1 и др., сочетающие в себе позднестоговские и ранние вольско-лбищенские признаки. В данный круг древностей, вероятно, входят и некоторые материалы займищенского типа, отнесенные А.Х. Халиковым к приказанской культуре. Ряд близких параллелей вольско-лбищенская керамика, и особенно изделия из металла, находят в поселенческих древностях среднеднепровской культуры, определенное влияние со стороны которых, вероятно, испытывало присурское население.

Весьма близкие аналогии часть вольско-лбищенской керамики Посурья находит в чирковских древностях, что позволяет с новых позиций подойти к проблеме их происхождения. Сложение чирковской культуры традиционно связывают с участием трех основных компонентов: западного (балановского), местного (волосовского) и восточного (котовского). Однако в формировании чирковских древностей Волго-Окского междуречья и Марийского Поволжья принимают участие представители разных культурных традиций. В материалах марийских поселений фиксируется заметное участие местного поздневолоховского населения, керамические традиции которого находят продолжение в развитии особой группы керамики, характеризующейся упрощенной орнаментацией. На поселении Галанкина Гора, кроме того, отмечено присутствие носителей котовской керамики, однако их керамические традиции не получают здесь дальнейшего развития. С котовскими традициями связывают появление налепных валиков, но на поздней чирковской керамике получают распространение волнистые валики, сформированные с помощью защипов, которые имеют иную природу происхождения.

Еще при раскопках Васильсурского городища А.Х. Халиковым была выделена группа сосудов, в орнаментации которых использовались мотивы, не известные ни на балановской, ни на волосовской посуде. Это усложненные узоры в виде заштрихованных треугольников, группы косых линий и оттисков с чередующимся наклоном, разделенные вертикальными отрезками, треугольники с бахромой по краям, валики, сформированные с помощью вдавлений и защипов. Сюда же следует добавить желобчатые венчики, также не характерные ни для волосовских, ни для балановских древностей.

Сосуды подобного облика появляются только на поздних чирковских поселениях: Чирковском, Ройский Шихан, Юринском. Появлению подобной керамики было найдено объяснение в процессах гибридизации керамических традиций волосовской и балановской культур, а перечисленные признаки были признаны типично чирковскими. Подобное заключение базировалось на наличии некоторого сходства форм и пропорций, вытянутых балановских сосудов второй группы четвертого слоя Васильсурского городища и чирковских сосудов второй группы третьего слоя. При этом А.Х. Халиковым к чирковским были отнесены и все балановские сосуды третьего слоя, что, конечно, усиливало впечатление в пользу возможной трансформации балановских форм в чирковские.

Горшковидные сосуды с высокими желобчатыми венчиками появляются в Днепро-Донском междуречье еще в эпоху энеолита, получая широкое распространение в репинской, а затем в иванобугорской и абашевской керамике. По справедливому замечанию Б.С. Соловьева, абашевская и чирковская посуда имеют между собой весьма отдаленное сходство. Значительно больше общих черт имеется между формами чирковских и иванобугорских сосудов. Практически полные аналоги последние находят в сосудах Юринской стоянки с усложненным орнаментом, имеющими внутреннее ребро и высокий, отогнутый наружу желобчатый венчик. При этом иванобугорские мотивы орнамента заметно отличаются от чирковских. Сложная орнаментация сосудов Юринской стоянки находит ближайшие аналогии в вольско-лбищенской керамике, для которой также характерны: сформированные вдавлениями и защипами валики, заштрихованные треугольники, обрамленные бахромой, ряды коротких оттисков штампа, ограниченные длинными гребенчатыми отпечатками и другие геометрические построения.

Верхнее Посурье является своеобразной контактной зоной для западного иванобугорского населения и восточного вольско-лбищенского, и здесь в керамике ряда поселений зафиксированы гибридные сосуды, имеющие типичные иванобугорские формы, но украшенные в вольско-лбищенских традициях. Вероятно, районы Посурья являлись одной из исходных территорий, с которой осуществлялась на территорию Марийского Поволжья вслед за первой балановской вторая волна миграций лесостепных племен, традиции которых в значительной мере предопределили облик чирковской культуры на завершающих этапах ее развития.

В **Заключении** подводятся итоги работы. Определяются основные этапы взаимодействия населения культур севера и юга на территории лесостепной зоны. Анализируются механизмы взаимодействия и основные причины смены культур на территории данного региона. Определяется содержание и виды связей между культурами севера и юга, выделяются их приоритетные направления для каждого хронологического этапа.

**Основные положения работы отражены автором в следующих публикациях:**

***Монографии:***

1. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. - Пенза. - 1999. - 196с.
2. Ставицкий В.В. Неолит - ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. - Саратов, 2003. - 168с. (В соавторстве с А.А. Хрековым).
3. Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. - Пенза, 2005. - 160с.
4. Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла.- Пенза, 2006. - 204с. (В соавторстве с Королевым А.И.).

### **Статьи:**

5. Ставицкий В.В. Поселение Озименки на р. Мокше //Из истории области. Очерки краеведов. - Пенза, 1991. - Вып. II. – С.4-13.
6. Ставицкий В.В. Срубные могильники Верхнего Прихопровья //Страницы истории Волго-Донья. - Пенза, 1991. – с.32-40. (В соавторстве с А.В. Растороповым).
7. Ставицкий В.В. Хроника исследований. //Из истории области. Очерки краеведов. - Пенза, 1992. - Вып. III. - С.217-234. (В соавторстве с А.В. Растороповым).
8. Ставицкий В.В. Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы //Из истории области. Очерки краеведов. – Пенза, 1992. - Вып. III. – С.27-75.
9. Ставицкий В.В. Поселение Скачки на Верхней Мокше //Древние поселения Примокшанья. - Саранск, 1992. – С.32-50.
10. Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Новый Усад 4 //Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. – Саранск, 1992. – С.3-21.
11. Ставицкий В.В. Разведочные исследования в Верхнем Посурье //Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1992. Вып. 2. – С.95-97.
12. Ставицкий В.В. Новые исследования по каменному веку Пензенского края //Ключевские чтения. – Пенза, 1993. – С.41-42.
13. Ставицкий В.В. История изучения каменного века Пензенского края //Историческое краеведение. – Пенза, 1993. – С.7-14.
14. Ставицкий В.В. Боевые каменные топоры из Сурско-Мокшанского бассейна //Историко-археологическое изучение Поволжья. - Йошкар-Ола, 1994. – С.12-16.
15. Ставицкий В.В. К вопросу об изучении уникальных археологических территорий //Историко-культурное наследие. Памятники центральной России. Охрана, изучение и музеефикация. – Рязань, 1994. – С.45-46.
16. Ставицкий В.В. Этнокультурные контакты на Суре и Мокше в эпоху неолита //Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы 1 Всероссийской конференции по финно-угроведению. Йошкар-Ола. 1994. – С. 123-126.
17. Ставицкий В.В. Охранные исследования неолитического поселения Стародевичье 1 //Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. - Рязань, 1994. – С.79-81. (В соавторстве с Вихляевым В.И.).
18. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово 1 в Верхнем Посурье //Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С.123-136.
19. Ставицкий В.В. Балахнинские поселения на Средней Мокше Шаверки 2 и Шаверки 5 //Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. - Йошкар-Ола, 1995. – С.34-49. (В соавторстве с Вихляевым В.И.).
20. Ставицкий В.В. Второе Ошутьяльское поселение и Лушморский могильник на р. Илеть //Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. - Йошкар-Ола, 1995. – С.100-109. (В соавторстве с Зеленевым Ю.А.).
21. Ставицкий В.В. Новые раскопки поселения Имерка VII //Историко-археологические изыскания. – Самара, 1996. - Вып.1. – С.92-113.
22. Ставицкий В.В. Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой //Историко-археологические изыскания. - Самара, 1997. - Вып.2. – С.13-26.
23. Ставицкий В.В. Медно-каменный век лесных районов Пензенского края //Краеведение. - Пенза, 1997. - №2. – С. 28-34.
24. Ставицкий В.В. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше //Археологические памятники Среднего Поочья. – Рязань, 1997. - Вып.6. – С.94-103. (В соавторстве с В.П. Челябиновым).
25. Ставицкий В.В. Этнокультурные процессы на Нижней Мокше в эпоху энеолита //Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. - Саранск, 1997. – С.85-87. (В соавторстве с В.П. Челябиновым).
26. Ставицкий В.В. Поселение Шаморга 9 на Нижней Цне. //Археологические памятники Среднего Поочья. - Рязань, 1997. - Вып.6. – С. 40-55. (В соавторстве с В.П. Челябиновым).

27. Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении чирковской культуры //Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. - Саратов, 1997. - С.123-124.
28. Ставицкий В.В. Машкино 3 - поселение эпохи неолита-энеолита на Мокше //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск. - Вып.1. - 1998. – С.16-37.
29. Ставицкий В.В. О культурной принадлежности примокшанских памятников с гребенчато-накольчатой керамикой //Тверской археологический сборник. - Тверь, 1998. - №3. – С.281-287.
30. Ставицкий В.В. Новые исследования по неолиту Верхней Суры и Мокши //Материалы Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых Самара. - 1998. – С.58-60.
31. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Широмазово 2 на Нижней Мокше //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск, 1998. - Вып.1. – С.41-49.
32. Ставицкий В.В. Многослойное поселение Машкино 1 на Средней Мокше //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск. - 1998. - Вып.1. – С.3-16. (В соавторстве с В.В. Гришаковым)
33. Ставицкий В.В. Неолитическая стоянка Широмазово в Нижнем Примокшанье // Древности Окско-Сурского междуречья. – Саранск, 1998. - Вып.1. – С. 37-41. (В соавторстве с В.В. Гришаковым).
34. Ставицкий В.В. Поселение Волгапино на реке Мокше //Исторические исследования. - Самара, 1998. , Вып.2. – С.226-253. (В соавторстве с А.И. Королевым).
35. Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше //Археологические памятники Среднего Поочья. – Рязань, 1998. -. Вып.7. – С.6-26. (В соавторстве с В.П. Челяповым).
36. Ставицкий В.В. Неолитическая стоянка Ковыляй 1 на Средней Мокше //Историко-археологические изыскания. - Самара, 1999. - Вып.3. – С.19-39.
37. Ставицкий В.В. О некоторых критериях периодизации неолитической эпохи //Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. – С.38-40.
38. Ставицкий В.В. Некоторые итоги охранных исследований в Посурье Пензенской неолитической экспедиции //Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. - Саратов, 1999. – С.40-48.
39. Ставицкий В.В. Фатьяно-балановские древности в верховьях Суры и Мокши //Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тр. ГИМ. М., 1999. - Вып. 103. – С.30-32.
40. Ставицкий В.В. Неолитическое поселение Широмазово 3 на Нижней Мокше //Вопросы археологии Поволжья. - Самара, 1999. - Вып.1.. – С.55-71.
41. Ставицкий В.В. Некоторые итоги и проблемы изучения балахнинской культуры //Российская археология достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. – С.69-72.
42. Ставицкий В.В. Общее и особенное в развитие археологических культур Примокшанья и Верхнего Посурья //Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. – Саранск, 2000. – С.3-5.
43. Ставицкий В.В. Культуры лесостепного энеолита на территории Пензенской области //Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С.33-35.
44. Ставицкий В.В. Проблемные вопросы изучения неолита Сурско-Мокшанского междуречья// Тверской археологический сборник. - Тверь, 2000. - №3. – С.311-317.
45. Ставицкий В.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на р. Барыш //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск, 2000. - Вып.2. С.12-22. (В соавторстве с Вискалиным А.В., Выборновым А.А.).
46. Ставицкий В.В. Срубный кенотаф у с. Архангельское-Голицыно //Древности Окско-Сурского междуречья. – Саранск, 2000. - Вып.2. – С.40-44. (В соавторстве с Гришаковым В.В.).

47. Ставицкий В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита //Хронология неолита Восточной Европы. - Спб., 2000. – С.73-75.
48. Ставицкий В.В. Костяные изделия эпохи неолита из Пензенского краеведческого музея //Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск. Вып.1. - 2000. – С.35-39.
49. Ставицкий В.В. Неолитические стоянки Среднего Примокшанья //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск, 2000. - Вып.2. – С. 3-12. (В соавторстве с Гришаковым В.В.).
50. Ставицкий В.В. Неолитическая керамика поселения Имерка 8 //Древности Окско-Сурского междуречья. - Саранск, 2000. - Вып.2. – С.22-35. (В соавторстве с Королевым А.И.).
51. Ставицкий В.В. Хронология поселений с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой Сурско-Мокшанского междуречья //1 Лебедевские чтения. - Пенза, 2001. – С.81-83.
52. Ставицкий В.В. Каменная индустрия неолитических памятников Примокшанья и Верхнего Посурья //XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов Международной науч. конф. 17-21 апр. 2001г. - Оренбург, 2001. - С.58-59.
53. Ставицкий В.В. Керамика эпохи бронзы с Ахунских городищ //Археология Поволжья. - Пенза, 2001. – С.18-23.
54. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 1 на Верхней Суре //Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург, 2001. - Вып.5. – С.20-37.
55. Ставицкий В.В. Срубные памятники Пензенского Примокшанья //Нижеволжский археологический вестник. – Волгоград, 2001. - Вып.4. – С.44-57.
56. Ставицкий В.В. Периодизация и хронология примокшанской культуры //Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара, 2001. – С.138-143.
57. Ставицкий В.В. Поселение эпохи бронзы на Теньгушевском городище //Археология Поволжья. – Пенза, 2001. – С.4-17. (В соавторстве с Вихляевым В.И.)
58. Ставицкий В.В. Первое жилище поселения Широмазово 1 на Нижней Мокше //Археологические памятники Восточной Европы. - Воронеж, 2001. – С.27-34. (В соавторстве с Гришаковым В.В.).
59. Ставицкий В.В. Неолитические миграции на территории Сурско-Хоперо Мокшанского водораздела //XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов Международной науч. конф. 17-21 апр. 2001г. – Оренбург, 2001. – С.60-61. (В соавторстве с А.А. Хрековым).
60. Ставицкий В.В. К вопросу о времени и путях миграций лесостепных культур на территорию Сурско-Окского междуречья в раннем бронзовом веке //2 Лебедевские чтения. – Пенза, 2002. – С.86-89.
61. Ставицкий В.В. Проблема соотношения древностей самарской и хвалынской культур //Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. - Казань, 2002. – С.44-45.
62. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа //Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. - Вып.2.– С.91-103.
63. Ставицкий В.В. Проблема взаимодействия лесного населения волго-камского бассейна с энеолитическими племенами лесной и лесостепной зон //Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. - Ижевск, 2002. – С.79-84.
64. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье //Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып.2. - 2002. – С.58-80. (В соавторстве с Вискалиным А.В., Выборновым А.А., Королевым А.И.)
65. Ставицкий В.В. Новый тип энеолитической керамики Волго-донского междуречья //Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. – Казань, 2002. – С.39-44. (В соавторстве с А.А. Хрековым).

66. Ставицкий В.В. Саконовская неолитическая стоянка и проблема таксономического статуса балахнинских памятников //Тверской археологический сборник. – Тверь, 2002. - Вып.5. – С.304-312
67. Ставицкий В.В. К вопросу об истоках генезиса волжских финнов //Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. – Саранск, 2003. – С.3-6.
68. Ставицкий В.В. Бессоновские поселения эпохи неолита и бронзы //Записки краеведов. – Пенза, 2003. – С.11-16.
69. Ставицкий В.В. Сейминско-турбинский феномен и проблема происхождения чирковской культуры // XV1 Уральское археологическое совещание.- Пермь, 2003. – С.103-105.
70. Ставицкий В.В. Неолитическая революция в лесной зоне Восточной Европы //XVI Уральское археологическое совещание. - Пермь, 2003. - С.62-63.
71. Ставицкий В.В. Некоторые проблемы изучения хвалынской энеолитической культуры //Чтения посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. - М., 2003. - Часть 1. – С.58-60.
72. Ставицкий В.В. К вопросу о наличии абашевского компонента в материалах приказанской культуры //Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003. – С.161-163.
73. Ставицкий В.В. Памятники абашевской культуры на территории Пензенской области //Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. - Чебоксары, 2003. – С.205-208.
74. Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения раннеэнеолитических культур с воротничковой керамикой //Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.144-145.
75. Ставицкий В.В. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Городок 1 у с. Александровка на реке Ранова //Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.98-108. (В соавторстве с Выборновым А.А., Королевым А.И., Челябинским В.П.).
76. Ставицкий В.В. К вопросу о финно-угорской принадлежности чирковской культуры //Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. – Саранск, 2003. – С.6-11. (В соавторстве с Гришаковым В.В.).
77. Ставицкий В.В. Поселение бронзового века Широмазово 1 на Нижней Мокше // Археология Восточноевропейской лесостепи. - Пенза, 2003. – С.234-252. (В соавторстве с Гришаковым В.В.).
78. Ставицкий В.В. Локальные варианты льяловской культуры бассейна р. Оки //Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.108-131. (В соавторстве с В.В. Сидоровым).
79. Ставицкий В.В. Многослойное поселение Городок 1 на р. Ранова //Проблемы древней и средневековой истории Окского бассейна. - Рязань, 2003. – С.47-53. (В соавторстве с Челябинским В.П.).
80. Ставицкий В.В. Актуальные вопросы изучения древностей восточноевропейских лесостепей //Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.6-12. (В соавторстве с Белорыбкиным Г.Н.).
81. Ставицкий В.В. Ранний неолит лесостепного Прихоперья //Чтения посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. - М., 2003. - Часть 1. – С.31-33. (В соавторстве с Хрековым А.А.).
82. Ставицкий В.В. Конференция Археология Восточноевропейской лесостепи //Российская археология. - М., 2003. – №4. - С.188-189. (В соавторстве с Белорыбкиным Г.Н.).
83. Ставицкий В.В. Ямочно-гребенчатая керамика лесостепного Прихоперья //Проблемы древней и средневековой истории Окского бассейна. – Рязань, 2003. – С.33-47. (В соавторстве с Хрековым А.А.)

84. Ставицкий В.В. Окрестности г. Пензы уникальная археологическая территория //Идеалы и реальности культуры российского города. – Пенза, 2003. – С.110-118.
85. Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении памятников дронихинского типа //Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.131-143. (В соавторстве с Хрековым А.А.).
86. Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения нижневолжского неолита // Историко-археологические изыскания. – Самара, 2004. - Вып.6. – С.205-218.
87. Ставицкий В.В. Комплекс материалов эпохи бронзы с поселения Городок 1 //Материалы и исследования по рязанскому краеведению. - Рязань, 2004. С.8-11. (В соавторстве с Челяповым В.П.).
88. Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении волосовских памятников Примокшанья //Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. – Саранск, 2004 – С.5-8.
89. Ставицкий В.В. Поселение эпохи энеолита Подлесное 5 //Записки краеведов. – Пенза, 2004. - Вып.2. – С.5-17.
90. Ставицкий В.В. Каменные сверленные топоры Примокшанья //Записки краеведов. - Пенза, 2004 - Вып.2. - С. 18-28.
91. Ставицкий В.В. История изучения археологии Пензенской земли //Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Пенза, 2004. - С.3-10.
92. Ставицкий В.В. Актуальные проблемы изучения первобытной археологии Поволжья //Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. - Пенза, 2004. - С. 16-61.
93. Ставицкий В.В. Екатерининское поселение бронзового века на р. Суре и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей //Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004. - Вып.VI. - С.16-30.
94. Ставицкий В.В. Сутырское 5 поселение (раскопки 2000 года) //Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. - Йошкар-Ола, 2004. - С.28-35. (в соавторстве с Выборновым А.А., Вискалиным А.В., Королевым А.И.)
95. Ставицкий В.В. Ранний комплекс поселения Городок 1 на р. Ранова в Рязанской области //Исторические исследования. Самара, 2004. - С.162-193. (в соавторстве с Выборновым А.А., Королевым А.И., Челяповым В.П.).
96. Ставицкий В.В. Неолитический комплекс Сутырского 5 поселения (по итогам раскопок 2000 года) //Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2004. - Вып.2. С.27-40. (в соавторстве с Выборновым А.А., Королевым А.И.)
97. Ставицкий В.В. Проблемные вопросы изучения средневолжского энеолита //125 лет обществу истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. Казань, 2004. - С.68-74.
98. Ставицкий В.В. Проблема взаимодействия культур раннего бронзового века на территории Сурско-Окского междуречья //Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. - Йошкар-Ола, 2004. - С.21-27.
99. Ставицкий В.В. Хронология Сурско-Мокшанского неолита //Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. - Спб., 2004. - С.227-240.
100. Ставицкий В.В. Некоторые итоги изучения позднего бронзового века Пензенского края //Пензенское краеведение. - Пенза, 2005. - Т.1. - С.30-57.
101. Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2005. - С.145-151.
102. Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур бронзового века Волго-Донской лесостепи //Российская археология. - М., 2006. - №1.-С.31-43.
103. Ставицкий В.В. Поселение Кипец 1 в верховьях р. Вороны //Краеведческие записки. - Самара, 2005. - Вып. XII. - С.15-34. (в соавторстве с Выборновым А.А., Королевым А.И.).